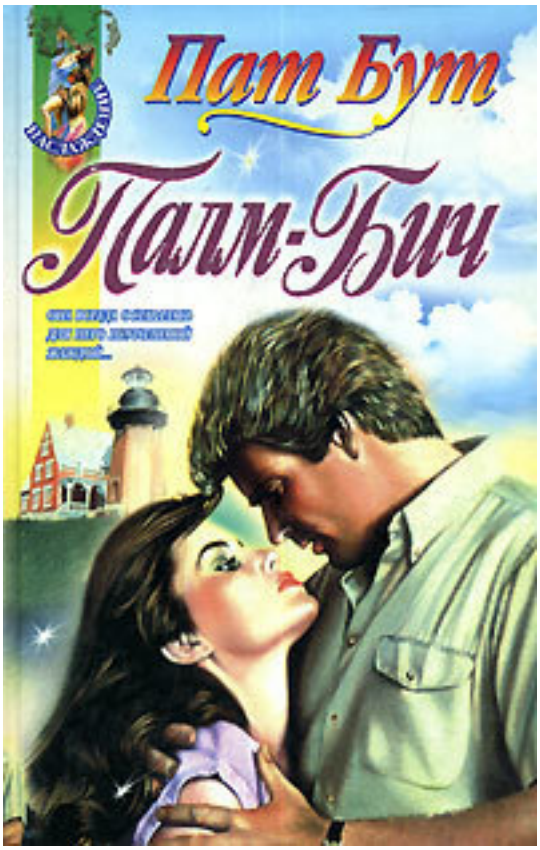
Пат Бут
Палм-Бич

Пат Бут

Палм-бич

Бут П.

Палм-бич / П. Бут —

Героиня романа очаровательная Лайза Старр положила жизнь на исполнение своей мечты: добиться успеха в Палм-Бич – городе, который стал символом блестящей жизни и процветания.Судьба нещадно потрепала ее корабль с алыми парусами: снова и снова Лайза оказывается сброшенной с достигнутых вершин. Но из всех передряг Лайза выходит непобежденной. Она спасает свою любовь, свою семью, свое счастье.

© Бут П.

Содержание

ПРОЛОГ 5
Глава 1 10
Глава 2 26
Глава 3 45
Глава 4 62
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Пат Бут
Палм-Бич

ПРОЛОГ

Все были единодушны в том, что это самая пышная и самая красивая свадьба в истории Палм-Бич, но в то же время почти всех не оставляло какое-то ужасное, жуткое предчувствие. Как бы там ни было, внешне ничто не предвещало беды. Она, скорее, ворочалась где-то в общем подсознании, таинственная и грозная, неопределенная, но неотвратимая. Гнетущее чувство словно затаилось в прохладной, благодаря кондиционерам, атмосфере старинного особняка в мизнеровском стиле, гнездилось в темных уголках под деревянными резными потолками, пряталось в мрачных коридорах, декорированных испанскими изразцами, и в галереях, уставленных бугенвиллиями. Тот, кто проникся этим чувством, уже не мог отделаться от него, однако оно было слишком смутным, чтобы поддаться описанию, – незваный гость на свадебном празднике.

Лайза Блэсс и Бобби Стэнсфилд оставались в неведении относительно этих тревожных подводных течений. Сегодня был день их бракосочетания. Этим двум людям предстояло через несколько минут слиться в единое целое, и аура полного счастья ограждала их от дымки страха, клубившейся вокруг. Они стояли вплотную друг к другу, как две фигурки на крыше детской музыкальной шкатулки, готовые двинуться в радостном танце по дороге к вечному единению. Время от времени, как бы желая взаимно убедиться, что все это не сон, они протягивали друг другу руки для успокоительного прикосновения. «Держать, значит владеть», – как бы говорил этот их жест.

Лайза Блэсс крепко сжала руку жениха и прильнула к его крепкому плечу.

– Теперь уже недолго, – прошептала она.

А путь был долгим, очень долгим. Долгим, почти как сама память. Казалось, всю жизнь Лайза шла к этой минуте, и нельзя было вообразить более тяжкой и опасной дороги. Лишь Мэгги приблизилась к пониманию того, через какие горе и трагедию, отчаяние и боль, борьбу и напряжение прошла Лайза на этом пути. Все остальные видели только прекрасную Лайзу Блэсс, девушку сомнительного происхождения, которая создала империю и теперь собиралась слить ее с династией. Это была версия журнала «Пипл», и таким же будет вердикт «Светского календаря». Но только Лайза знала, что на захватывающих дух американских горках, которые представляла ее жизнь, главным мотивом была не любовь, как можно было бы предположить, исходя из нынешней церемонии, а совсем иное. Только Лайза могла знать, что все годы ее головокружительного восхождения к славе и богатству были омрачены окутывающим сознание туманом мести.

Теперь, однако, произошла полная метаморфоза, и из куколки ненависти на волю вылетела бабочка любви. Любви к мужчине, которого Лайза так хотела уничтожить.

Бобби повернулся к ней и выпрямился, расправив плечи под безупречной визиткой «Андерсон и Шеппард Сэвил Роу». Он глубоко вздохнул.

Все равно очень долго, – прошептал он в ответ.

Замечание его было более чем справедливо. Сколько времени ушло впустую! Как пришлось раскаиваться в том решении, которое он с таким трудом принял много лет назад! Его молитвы были услышаны, ему был предоставлен второй шанс, и теперь Бобби хотел завершить дело прежде, чем капризная судьба снова надует его. Ему представился второй шанс заполучить не только Лайзу Блэсс, которую он всегда любил, но и все остальное. При мысли о будущем сердце Бобби наполнялось счастьем. Лайза Блэсс, с ее способностью умиротворять

и успокаивать, соединяла свое огромное богатство с политическим весом Бобби, и это вновь открывало перед ним блестящие перспективы. Опять можно рассчитывать на президентство. Весь во власти вновь пробудившейся под гул толпы мечты, Бобби повернулся, чтобы посмотреть на гостей, приглашенных на свадьбу.

Казалось, в этом огромном зале собрался весь Палм-Бич. Он предстал здесь во всей своей славе, вызывая благоговение своим самодовольством, гордо и надменно демонстрируя освященные временем богатство и могущество. Здесь собралась вся старая гвардия – Фиппсы, Манны, Уайденеры, Пулитцеры, Кимберли – и те, кто в один прекрасный день войдут в ее число – Лой Андерсоны, Лейди, Кушинги, Хэнли. Толпа членов Поло-клуба из Веллингтона: мясистые аргентинцы с голодными глазами и выпирающими бицепсами; сладкоречивые седовласые светские львы с красавицами женами и прыткими дочерьми; обедневшие англичане с устойчивыми неприятностями и шаткими моральными устоями. Здесь были политические союзники, несколько политических противников, щедрый набор евромусора. Потомки немецких оружейных магнатов, кучка особ псевдокоролевских кровей с Балкан и неизбежная стайка учтивых русских белоэмигрантов.

Да, все они прибыли сюда, чтобы присутствовать на бракосочетании двух самых влиятельных состояний города. Для них это была не столько свадьба, сколько коронация. Палм-Бич готовился к восшествию на престол нового короля и новой королевы, и придворные явились засвидетельствовать свою преданность.

Скотт Блэсс тем временем терзался муками, которые невидимой стеной отделяли его от окружающих. Съежившись на стуле с высокой спинкой, он все время невольно отводил глаза от готовившейся вступить в брак пары и нервно поглядывал на белый телефонный аппарат, который находился в нескольких дюймах от его руки. Несмотря на наэлектризованную атмосферу беспокойства, окутавшую его, Скотт все же успел отметить, что мать красива, как никогда. Выполненное в стиле миланских туалетов семнадцатого века кружевное, цвета слоновой кости, платье от Пэт Керр, с его почти целомудренным воротом, украшенным жемчугами, придавало Лайзе Блэсс одухотворенность, которой Скотт в ней раньше не замечал. Тонкие черты лица не изменились, однако их оставила напряженность, и ее место заняло тихое умиротворение. Его мать, пройдя сквозь очистительный огонь, родилась заново, и свет любви, который сиял в ее восторженных глазах, – тот самый свет, который Скотт тщетно надеялся когда-нибудь ощутить на себе, – устремлялся на ее будущего мужа. Круг замкнулся. Кривда должна была обратиться в правду, лед – в пламень. А на полях, где было посеяно зло, вот-вот взойдет урожай счастья. Да так ли это? Скотт вновь уставился на телефон, страстно ожидая звонка. Моля его не зазвонить. Он раздраженно оттянул жесткий воротник, чтобы свежий воздух помог избавиться от испарины, хотя понимал, что и это не облегчит пытки.

Из противоположных углов зала за его страданиями наблюдали две женщины. Кэролайн Стэнсфилд ранее не была знакома с сыном Лайзы Блэсс, однако ей показали юношу, и внешне он произвел на нее благоприятное впечатление. Будучи главой политической династии Стэнсфилдов и столпом высшего общества Палм-Бич, она неплохо разбиралась в тех качествах, которые привлекают избирателя. Скотт был замечательным экземпляром.

Высокий, хорошо сложенный, с неотразимыми для избирателей синими глазами, как у ее собственного сына Бобби. Очевидно, мальчик должен был унаследовать ум своей матери. Сын такой женщины, как Лайза, возникшей из ниоткуда, чтобы прибрать к рукам единственный мир, который что-то значит, непременно обладает верным политическим чутьем. Его нетрудно будет натаскать. Возможно, она, Кэролайн, сама возьмет его под свое крылышко и обучит искусству побеждать, как обучила своих собственных детей. Однако, что это он все время ерзает? Мужчина должен уметь сидеть спокойно и излучать достоинство. А тут создавалось впечатление, будто он собирается предстать перед расстрельной командой, а не присутствует на свадьбе матери, выходящей за жениха, лучше которого, пожалуй, в мире и не сыщешь. С лег-

костью, выработанной восьмьюдесятью пятью годами практики, Кэролайн Стэнсфилд отбросила раздражающую ее мысль и с царственной улыбкой обвела взглядом комнату.

Все было и вправду просто прекрасно. Как мудро поступила Лайза, освоив необходимые правила. Разумеется, Бобби тоже мог ее просветить, однако сердце у него к таким вещам, как подготовка свадьбы, по-настоящему не лежит. Кэролайн мысленно проверила те мелочи, на которые обычно обращают особое внимание люди, вращающиеся, как и она сама, в высшем свете Палм-Бич: визитка жениха, одинокая белая гвоздика в английском стиле – простая и без обрамления в виде зелени или вычурных веточек, – достойный галстук от Эндовера, прекрасно отутюженные брюки в тонкую полоску, ослепительно начищенные, удобные туфли с, по крайней мере, тридцатилетней родословной. А Лайза? Поистине великолепный компромисс между белизной целомудрия и деликатным намеком на многоопытность. Кружева, скорее, не белые, а цвета слоновой кости, но, тем не менее, дают ощущение чистоты. Прекрасный выбор. Букет совершенно неброский. Восхитительный вкус. Обычные белые маргаритки – тонкая демонстрация простоты и отвращения к аффектации, что так любят лучшие из лучших. Опытным, привередливым оком Кэролайн продолжала оценивать подготовительные мероприятия. Слуг более чем достаточно, все в одинаковых пепельно-серых визитках, полосатых брюках, с жесткими воротничками, аскотскими галстуками и в жемчужно-серых перчатках. Ни единого смокинга в комнате. Она сверилась с часами. Ровно полдень, единственное подходящее, на взгляд Кэролайн, время для свадьбы.

Прекрасно вымуштрованные мальчики из «Палм-Бич вэлет паркинг» Джона Кавекоса еще учтиво подгоняли нескольких запоздавших от «роллс-ройсов» по усыпанным лепестками цветов длинным коридорам роскошного старинного дома к главному залу, где знакомые друг с другом гости уже вытягивали шеи, словно страусы на амфетамино, чтобы выяснить, кто тут еще присутствует и, что важнее, кто отсутствует. Кэролайн могла бы их всех успокоить. Кому не было положено, отсутствовали. Присутствовали все, кому было положено. Форды, Дюпоны, Мики, Дадли. И целый выводок Кеннеди. Все до единого члены элитарного клуба «Коконатс», который собирался всего лишь раз накануне Нового года и приглашения которого ценились больше, чем телефонные звонки от президента; все члены правления клуба «Поинсиана», неусыпные ревнивые надзиратели за светской жизнью Палм-Бич; большинство членов клуба «Эверглейдс», разумное число из «Купально-теннисного клуба». Горстка представителей Пляжного клуба и никого, слава Богу, из «Палм-бич кантри-клуба». Затем шли представители Хоуб-Саунда но главе с Пермелией Прайор Рид, деспотичной правительницей клуба «Джюпитер-айленд», пасущей маленькое стадо Даблдеев, Дилонов и Очинклоссов.

Блуждающий взор Кэролайн Стэнсифлд вернулся к Скотту, и вновь в гармонию был внесен разлад. Что же, в конце концов, с ним происходит? Вид у него был невероятно – что это за глупое слово употребляют теперь? – «убитый». Как раз к этому времени прекрасно настроенные антенны Кэролайн Стэнсифлд, наследие почти вековых политических и светских интриг, уловили какие-то тревожные сигналы, поступающие в ее мир.

В пятидесяти футах от Кэролайн стояла ее внучка Кристи, цветы вокруг которой должны были бы создать ощущение рая, однако она чувствовала себя, как в аду. Королевская безмятежность рядов белых орхидей, расположенных по обе стороны от Кристи и оттенявших ее тонкую красоту, усиливала ее болезненное напряжение. Взор Кристи также был обращен на Скотта Блэсси. Но, в отличие от бабушки, она точно знала, о чем он сейчас думает. Сколько еще оставалось времени? Что они станут делать, когда время выйдет? В отсутствие указаний свыше не оставалось ничего иного, кроме как взять на себя роль Всевышнего. Кристи оторвала взгляд от мучительно напряженной фигуры возле телефона и посмотрела на пару, пребывающую в блаженном наведении. Способна ли она поступить так со своим отцом, когда дело зашло столь далеко? Она просто не знала этого и понимала, что этого не знает и Скотт. Поверх моря застывших в ожидании лиц Кристи удалось поймать бегающий взор Скотта. Может, попробовать под-

держать его телепатически? Кристи собрала всю волю в кулак и направила Скотту мысленно послание с зарядом бодрости, в котором так отчаянно нуждалась сама. Синие глаза поблагодарили ее, и Кристи удалось изобразить полуулыбку. Скотт. Бедный Скотт. Судьба отняла его у нее – только затем, чтобы вернуть снова, благодаря этому жуткому парадоксу, называемому жизнью. Скотт, который так страшно обидел ее. Скотт, который был теперь ее товарищем; который раньше был ее возлюбленным, а теперь стал чем-то гораздо большим.

Отец Брэдли, приходский священник храма Милосердия у Моря – этого украшенного колоннадой здания, где принимали крещение и последнее напутствие принадлежавшие к англиканской церкви обитатели Палм-Бич, где они соединялись и молились, – приготовился к освященному временем ритуалу. Загорелый и бодрый, он непринужденно, как свой среди своих, прохаживался в толпе своих феноменально богатых прихожан. Отец Брэдли не мог припомнить, чтобы ему приходилось присутствовать на столь знаменательной свадьбе, и, казалось, все находилось под контролем; однако даже сейчас, стоя здесь и болтая с наиболее влиятельными гостями новобрачных, он не мог перебороть дрожь какого-то тревожного предчувствия. Он мог бы совершить этот ритуал с закрытыми глазами. Что же беспокоиться? Разумеется, в церкви все было бы проще, однако повторный брак вполне допустимо проводить в домашних условиях, тем более в таком доме, как у Стэнсфилдов. Отец Брэдли взглянул на свои часы. Без двух минут двенадцать, и все в порядке. Но отчего же, Боже, ему хочется добавить слово «пока»?

Мэгги на мгновение ушла в мир собственных воспоминаний. Она была самой давнишней подругой Лайзы, однако теперь их пути разошлись. Этот дом, великолепие свадьбы символизировали ту пропасть, которая пролегла между ними. В прежние времена были тяготы и горести в гимнастическом зале Уэст-Палма, наспех проглоченные в закусочных гамбургеры, радости и заботы создания собственного бизнеса, который они обе так любили, а она – любила по-прежнему. Однако теперь закусочные уступили место сервису Джона Санкела, деликатесам, которые были любовно расставлены на покрытых белой кисеей и муаровой тафтой буфетных столах, тянувшихся вдоль стен огромной столовой за дверью. Много лет назад в квартире Лайзы, давно уже превратившейся в подземный гараж небоскреба на Саут-Флэглер, стояли в горшках ареки и яркие бальземины. Здесь же были темно-пурпурные и белые орхидеи, гирлянды зеленых виноградных лоз, которые вились над буфетными столами в таком изобилии, что дух захватывало; они свободно ниспадали на безупречные скатерти и сплетались в вазах с сочными тропическими фруктами: киви, папайя и мускатным виноградом. Мэгги наблюдала за маленькой армией официантов в белых сюртуках, готовых принять толпу свадебных гостей; она слышала, как неувядающий Питер Дачин разминает пальцы на рояле «Стейнвей»; она старалась не попасть в вездесущий объектив Боба Давидоффа, который видел светских свадеб больше, чем любой смертный; и еще она отметила скромные цветы на четырехъярусном свадебном торте, заменявшие крошечные фигурки невесты и жениха, которые, по обычаю, предпочла бы она, как и вся остальная Америка. Возможно, сами по себе все это были мелочи, однако, они говорили о многом. Все это были элементы того условного языка, по которым эти люди узнавали друг друга. Это было тайное общество со множеством знаков и сигналов, жестов и невысказанных намеков. Что-то было «принято». Что-то было «не принято». Этому никто не учит. Этому нельзя научить. Это постигается постепенно. Когда принадлежишь к ним. Когда живешь этой жизнью. Уже в подростковом возрасте ты можешь за сорок футов распознать чужака. Это так же просто, как и невероятно. Какие правила требовали, чтобы было восемь подружек невесты – и все в одинаковых платьях пастельных тонов? Кто решил, что свадебные подарки должны быть выложены на всеобщее обозрение на покрытых белым дамастом столах в библиотеке? Почему имеется шампанское «Тейттинджер»? Все это оставалось загадкой, и Мэгги не могла избавиться от чувства, что она здесь совершенно посторонняя.

Мэгги повернулась, чтобы взглянуть на Лайзу, и тут же ее сердце наполнило знакомое чувство любви. Лайза, которая так много страдала, и вот наконец оказалась на вершине счастья. Но отчего в лице Кристи ни кровинки и так смертельно бледен Скотт? Отчего на них смотрит Кэролайн Стэнсфилд, и на ее старушечьем лице стало еще больше морщин – от волнения и тревоги? Как только эти беспокойные мысли взбудоражили ее деятельный ум, Мэгги ощутила подспудные вибрации. «Боже, должно случиться что-то ужасное». Она почувствовала, как ее рука непроизвольно потянулась ко рту, а язык пересох. «Нет. Ни в коем случае. Не в этот долгожданный момент. Неужели последними гостями на этой свадьбе станут тени отцовских грехов?»

Глава 1

Бобби Стэнсфилд поймал волну, и на короткое мгновение мир оказался в его руках. Доска под ногами подпрыгивала и взбиралась ввысь, а вместе с ней взлетело и сердце. Вечерело, утомленное солнце склонилось за пальмы, по поверхности моря побежали золотые танцующие тени. Последний вечерний бурун, и, кажется, он будет сегодня лучшим.

Словно птица-мститель, Бобби планировал на пляж, согнув тело в классической для серфинга позе, и пока он летел к песку, душа его тоже парила – благодарная за этот день и за его красоту. В жизни Бобби таких моментов было немного, и в свои тринадцать лет мальчик уже научился распознавать их.

Теперь волна почти что спала. Бобби намеревался использовать ее до конца с шиком. Почувствовав, как иссякает энергия доски, он изогнул дугой спину, напряг ноги, а затем с криком, похожим на прощальный, ринулся в бледно-голубое небо Флориды. Тело Бобби очутилось в объятиях хаоса, а в глазах рассыпался сумасшедший калейдоскоп объемных красок. Небо, скользящие облака, розовая пляжная кабинка, пузырящаяся, как шампанское, вода сменилась теплой темнотой под волнами Норт-Энда. Несколько секунд Бобби несся по воле течения, уверенный, что его не подведут сильные руки и ноги, принимая удары откатывающихся назад волн. Он ощутил на своей груди жесткий песок, стук в ушах от растущего давления – и вот он уже плыл вверх, чтобы вновь вернуть себе тот мир, который он совсем недавно покинул. Бобби вырвался на поверхность. Фантазии уступили место реальности.

Этот путь он проделывал тысячи раз. Сотня ярдов по еще теплому песку, еще сотня – по выцветшему пляжному настилу к пузырящемуся гудрону дороги. Иногда он этот путь проделывал со смехом и шутками – если возвращался домой с другими серфингистами, у которых из-под мускулистых, бронзовых от загара рук свисали доски, а покрытые пятнами соли волосы трепал и ерошил поздний летний бриз. Сегодня, однако, Бобби был один, и это его радовало. Скоро он вернется в огромный, пульсирующий энергией дом, с урчанием и скрежетом двигателей его непрерывной, напряженной деятельности, от которой невозможно было ни отвлечься, ни убежать. Бобби забрался на велосипед, небрежно перебросил доску под мышку и покатил по бульвару Норт-Оушн.

У величественных ворот особняка он неожиданно решил изменить свой маршрут. Почему-то захотелось еще разок взглянуть на волны. Иногда можно по небу, по бризу, по поведению ныряющих пеликанов предсказать, какой будет прибой на следующий день. Поэтому, оставив доску и велосипед, как обычно, в просторном гараже, Бобби скользнул вдоль стены огромного дома в сторону волнореза, который защищал особняк от непредсказуемого моря.

В его маршрут входил кабинет отца – круглая комната, пристроенная к дому в постмизнеровском стиле. Бобби но привычке бросил быстрый взгляд в окно. Все в семье благоговели перед производящим внушительное впечатление сенатором. Все, за весьма примечательным исключением матери. Иногда отец здесь надиктовывал речь перед большим письменным столом с тумбами, снисходительно выговаривая зычным голосом высокопарные банальности и в высшей степени удовлетворенно улыбаясь в предвкушении реакции какой-то будущей аудитории. Или же он смотрел бейсбол, с удовольствием потягивая из толстого хрустального бокала в правой руке темно-янтарный бурбон, который любил пить вечерами. Изредка, царственно положив ноги на скамеечку с гобеленовой подушкой, со смятым номером «Уолл-стрит джорнэл», покоящимся на его все еще поджаром животе, он смачно похрапывал в кресле, обитом потертым мебельным ситцем. Сегодня, однако, занятие у него было совершенно иного рода. Он занимался с кем-то любовью на диване.

Бобби Стэнсфилд замер, а его светло-голубые глаза на мальчишечьем лице чуть не вылезли из орбит. Вопрос «что делать?» не возник ни на мгновение. Не каждый день сыну

доводится видеть отца за таким занятием, и Бобби не собирался упускать ни миллисекунды этого зрелища. В нем боролись противоречивые чувства – страх, возбуждение, любопытство, отвращение: они переплелись, как две непристойные фигуры на диване в кабинете. Бобби был в ужасе, однако юношеская любознательность прочно удерживала его на месте.

Сенатор Стэнсфилд был явно не Рудольф Валентино. Он занимался любовью с той же осторожностью, мягкостью и изощренностью, которые всегда были характерны для его чрезвычайно успешной политической карьеры. Это была фронтальная атака, позиция с четко выраженной задачей; все более тонкие оттенки чувств были отброшены. Горячий влажный воздух выносил раздражающие звуки половой активности из открытого окна и неловко смешивал их с другими звуками наступающего во Флориде вечера – тихим шипением поливальных машинок на газонах, приглушенным грохотом прибоя – и были для Бобби, пожалуй, самым неприятным аспектом во всем этом удивительном деле. Никто не подготовил его к этому на школьном дворе, где «правда жизни» была так же доступна, как выпивка и сигареты.

Кто же, черт побери, эта девушка? Ответ подсказали длинные загорелые ножки. Белые туфли, рискованно оставленные на ногах, подкрепляли вывод. Это была Мэри Эллен. Без сомнения. Горничная матери. Боже! Бобби бросило в жар и холод, когда в его мозгу лихорадочно пронеслись мысли о последствиях. Во-первых, вопрос об интиме с наемной прислугой. Второй, и гораздо более удручающий вопрос – о ревности. В понимании Бобби Мэри Эллен обладала всеми достоинствами прекрасного ангела, и Бобби был не на шутку влюблен в нее. Она была веселой, яркой и жизнерадостной – то есть имела все те качества, которых столь явно не хватало его трем плосколицым сестрам, – и Бобби менее всего ожидал увидеть ее под собственным отцом на диване.

Бобби наблюдал за ними, как зачарованный. Ни любовник, ни любовница не посчитали нужным снять одежду. Ярко-зеленые поплиновые брюки отца свободно болтались на уровне колен, а рубашка цвета морской волны, от братьев Брукс, по-прежнему прикрывала верхнюю часть его могучего торса. Мэри Эллен также не тратила времени на раздевание, – через широко распахнутое окно Бобби видел белое хлопчатобумажное форменное платье, задранное до талии, и даже разглядел хлопчатобумажные карамельно-розовые полосатые трусики. Бобби вновь охватило отвращение, однако кровь Стэпсфилдов подсказала ему, что пристальное наблюдение за этой сценой может дать ему некие преимущества. Эмоции могу быть рассмотрены позднее. Сейчас же главное – уловить действие.

И тут, совсем неожиданно, на него, словно приливная волна, обрушилась эта мысль. Мать! Известно ли об этом матери? Как же, Господи, она поступит, если узнает об этом?

Но пока Бобби мучительно разбирался с мыслями о матери, возня на диване подошла к заключительной фазе. Мельтешащие конечности любовников закрутились, как в водовороте, последовало бешеное убыстрение темпа. Неожиданно ноги Мэри Эллен как бы потеряли координацию и пустились в диком ритме молотить воздух, трястись, дергаться и вибрировать от охвативших ее конвульсий. Наконец отец словно отключился – рухнул, обессиленный, точно марионетка, у которой внезапно перерезали веревочку.

Бобби – невольному наблюдателю, свидетелю отцовской неверности, обманувшемуся в той Мэри Эллен, которая жила в его мечтах, – показалось, что в это короткое мгновение детство его ушло навсегда.

* * *

Бобби угрюмо смотрел на стеклянную поверхность моря, расстилавшуюся за отутюженными газонами. Было лишь одиннадцать часов, но солнце уже диктовало свои условия красавице Палм-Бич, своей рабыне и любовнице. Легкий утренний бриз спал, и ленивым пеликанам, которые до этого легко парили в воздушных течениях, теперь приходилось бороться за

свою добычу. Во влажной жаре только они проявляли признаки какой-то деятельности. Сам Бобби лежал на покрытом белым полотенцем шезлонге, и южное солнце покрывало его юношеское тело медово-коричневым загаром. Из транзисторного приемника рядом с ним доносилось пение Конни Фрэнсис.

Отношение Кэролайн Стэнсфилд к прямым солнечным лучам было прямо противоположным. Оберегая свою нежную, белую, словно лилия, кожу, она сидела под огромным парусиновым зонтом кремового цвета, недоступная для лучей, вызывающих морщины. Ее неприязнь к солнечному свету считалась в семье некой причудой, и остроты на этот счет были допустимы, Кэролайн обычно присоединялась к этим, в общем-то, традиционным шуткам на свой счет, и когда в семье осторожно посмеивались над нею, ее мелкие и четкие черты лица освещала одна из ее улыбок. Во многих отношениях эта склонность оставаться в тени символизировала ее роль в семье Стэнсфилдов. Считалось общепризнанным, что быть центром внимания – удел общительного, дружелюбного сенатора и, в меньшей степени, шумных детей. Однако это не роняло несомненного авторитета Кэролайн. Когда Кэролайн Стэнсфилд говорила, что случалось не часто, все слушали, и никто не мог объяснить точно, почему. Была ли тому причиной родословная, тянувшаяся из восемнадцатого века? Или то, что ей принадлежало довольно значительное количество акций Ай-би-эм? Или спокойная, неоспоримая уверенность ее аристократического голоса? Никто этого не знал. Однако было несомненно: это не имело никакого отношения к ее физической привлекательности. Возможно, когда-то внешность ее была «приятной» – таким эвфемизмом пользуются богатые и знатные для обозначения внешности, которую менее удачливые люди называют «простой», – однако годы взяли свое. Широкие, отлично приспособленные для деторождения бедра сработали нормально, однако шестеро детей – причем двое, как Макбет, были извлечены «до срока из утробы материнской», с помощью кесарева сечения – не способствовали улучшению фигуры. Следствием кормления грудью, как того требовала религия от матери – источника всего сущего, стал огромный и бесформенный бюст. Короче, в качестве объекта сексуального влечения Кэролайн Стэнсфилд оставляла желать много лучшего, и в результате сенатор Стэнсфилд перед каждым исполнением супружеского танца плодородия со своей несоблазнительной, но феноменально влиятельной женой всегда требовал стакан водки; нынче же он вовсе избегал ее спальни. Большинство людей и не догадывались, что сама Кэролайн предпочитала именно такой порядок вещей.

Всю эту знойную ночь Бобби терзали сомнения по поводу его дальнейших шагов; различные стороны его характера конфликтовали друг с другом. Отчасти он был убежден, что делать ничего не надо. Сердца болят только из-за того, что видят глаза и повторяют языки. Это знают все. Промолчав, он избавит мать от боли и сохранит у нее веру в отца. С другой стороны, быть может, его долг – сообщить обо всем матери. Возможно, если она узнает о внебрачной связи сенатора, то сможет пресечь ее в зародыше, до того, как замаячат такие чудовищные перспективы, как развод или разъезд. Однако в эмоциональном уравнении была еще одна составляющая, та, которая жила в крови мальчика и которую мог учитывать только Стэнсфилд. Впервые в жизни Бобби получил возможность воспользоваться тем, к чему был предрасположен генетически. Властью. Стэнсфилды упивались ею в течение столетия. Они боролись за нее, они молились на нее, ставили ради нее на карту все и никогда не пресыщались ею. Сенат, верховный суд, высокие правительственные учреждения осыпали своими служебными привилегиями поколения амбициозных, коварных Стэнсфилдов. От них ускользало только президентство, и, ворочаясь ночью в своих постелях, все члены семьи, достойные своего имени, беспрестанно мечтали об этой вершине власти.

Нельзя было отрицать того, что в руках Бобби теперь находится рычаг власти. Наконец-то у него появилось какое-то преимущество перед могущественным отцом. Однако и тут возникала дилемма. С одной стороны, он тринадцать лет был вынужден мириться со свирепой тиранией, бездумной жестокостью, проявляемой почти что походя, с презрением и унизительными

наказаниями, которым подвергался в тех случаях, когда он, старший сын, не оправдывал безудержного честолюбия беспринципного сенатора. В этом плане месть казалась уместной и даже страстно желаемой. Но в то же время и несмотря на бесспорное преимущество положения, в котором оказался Бобби, он вовсе не испытывал от этого радости. Хорошо, пусть его отец – бесчувственный и въедливый надсмотрщик, но, тем не менее, он остается весьма внушительной фигурой, и Бобби страшно гордился им. Как это ни странно, происшедшее на самом деле ни на йоту не подорвало уважения к отцу. Как раз напротив. В конце концов, заниматься любовью с роскошной двадцатилетней девицей через две недели после своего шестидесятилетия – это тебе не козел начихал.

Теперь о Мэри Эллен. О Мэри Эллен, которая могла зажечь Бобби, как свет включить, грациозно, словно манекенщица, двигаясь по комнате. Забавная, добрая Мэри Эллен, которая заставляла Бобби смеяться и смеялась над жизнью сама. Неожиданно ее положение в доме стало не столь уж надежным. Отчасти Бобби это было небезразлично. Он с трудом заставил себя выкинуть эту мысль из головы. Стэнсфилды были запрограммированы на то, чтобы управлять своими чувствами. Им следовало ценить такое качество, как твердость. Их сердцам было позволено страдать за Америку, за бедных, за слабых, за голодных, однако друг, оказавшийся в беде, попадал в конец этого списка приоритетов. Плохо, что людям бывает больно. Людям всегда бывает больно. И ему бывало больно. Главное то, что в его руках – власть, а его учили, что властью надо пользоваться. Главный вопрос заключался лишь в том, как ею пользоваться.

И поскольку жесткий человек в Бобби Стэнсфилде боролся с мягким человеком, мальчик беспокойно завозился в своем чрезвычайно удобном шезлонге, ощутив впившиеся в бока шипы дилеммы. И тут, совсем неожиданно, пришло решение. Оно пришло само собой. Такова жизнь. Полчаса размышляешь, когда вставать из постели, а затем с удивлением обнаруживаешь, что ты уже сбросил одеяло. Бобби щелкнул выключателем транзисторного приемника, и Конни Фрэнсис, умолявшая своего любимого быть более чутким, смолкла на полуслове.

– Мама, я хотел тебе кое-что сказать.

Кэролайн Стэнсфилд подняла бесстрастное, невозмутимое лицо. Разговоры, которые начинаются с такой фразы, обычно содержат малоприятные новости. Вмятина на машине, пробоина на лодке, уязвленная гордость? Мало чем можно было расстроить Кэролайн, нельзя уладить лишь немногие вещи. Таково было одно из преимуществ принадлежности к клану Стэнсфилдов. Возможно, наиболее важное.

– В чем дело, дорогой?

Бобби заговорил как можно серьезней – таким тоном сообщают о неблагоприятных предварительных итогах голосования.

– Мама. Я много думал, говорить ли тебе об этом. Мое положение довольно неприятное, и я не хотел бы выдавать отца…

Он неуверенно замолк.

Кэролайн Стэнсфилд внутренне содрогнулась. Диапазон возможных катастроф резко сузился. Похоже, эта новость приведет ее в смятение, а из всех чувств на свете это Кэролайн испытывала реже всего и ненавидела больше всего.

– Знаешь, Бобби, есть такие вещи, о которых лучше всего промолчать.

Бобби переступил ту черту, за которой не было пути назад.

– Мне кажется, ты имеешь право знать, что у отца роман с Мэри Эллен.

На лице Кэролайн Стэнсфилд отразилась борьба между болью и отвращением. Однако расстроила ее не сама новость. Она представляла не больший интерес, чем вчерашний холодный картофель. Супруг волочился за смазливыми служанками уже многие годы. Некоторые из них даже сочли необходимым отказаться от места, разумеется, без разъяснений причины своего ухода. Сохраняя молчание, Кэролайн фактически потворствовала сенатору. И действительно, такое положение вещей вполне устраивало ее. В плане чувств Фред Стэнсфилд оста-

вался ребенком. Его сексуальные похождения были взрослым выражением детской тяги к конфетам, поглаживанию по головке, мамочкиному поцелую на ночь. Секс и голоса избирателей были для него способом поддержать форму, убедиться в том, что его по-прежнему любят, – и в обоих случаях он отдавал предпочтение скорее количеству, чем качеству. Конечно же, Кэролайн знала все о Мэри Эллен. Девушка ей даже импонировала. Полная энергии, со стремлением добиться успеха в жизни. Вполне естественно, что она позволила соблазнить себя сенатору, мужчине, символизирующему собою те деньги и славу, которых она жаждет, но не надеется иметь.

Нет, ужасало то, что дело теперь открылось, а это совершенно недопустимо; значит, необходимо будет что-то предпринять.

Тем временем приходилось как-то реагировать на непосредственно вставшую перед ней проблему. Необходимо соблюсти внешние приличия. Кэролайн удалось выдавить из себя неестественный смех, сопроводив его веселым, снисходительным выражением лица.

– О, ну что ты, Бобби. О чем ты? Откуда у тебя такие мысли?

Наверное, подметил пылкие взгляды? Видел, как Фред заигрывает с Мэри Эллен в коридоре?

Бобби глубоко вздохнул и с трудом выговорил:

– Я видел, как они занимаются любовью на диване в его рабочем кабинете.

Всю жизнь Кэролайн Стэнсфилд представляла бесконечную программу подготовки к тому, чтобы наилучшим способом выходить именно из подобных неблагоприятных ситуаций. В разреженной атмосфере на вершине социальной пирамиды, где она существовала, эмоции было необходимо преодолевать, подавлять и контролировать. Люди, подобные ей, всегда сохраняют хладнокровие, потому что столь умело обучены скрывать свои чувства.

Поэтому Кэролайн просто произнесла:

– О Боже!

«Гусеницы съели лимонное дерево. О Боже!», «Городской совет отказывается внести изменения в проект пляжных кабинок. О Боже!». Бобби ожидал любой реакции – только не такой. Выражаясь фигурально, он мчался на всех парусах – и на полном ходу – и вдруг попал в полосу мертвого штиля великолепного равнодушия своей матери.

Говорить больше было не о чем.

– Я просто думал, что тебе следует знать об этом, – нерешительно добавил Бобби, пытаясь скрыть свое замешательство.

Похоже, мир оказался гораздо более сложной штукой, чем он себе представлял.

Мэри Эллен смутно догадывалась, что несколько банально примерять одежду хозяйки, однако не принимала это в расчет, поскольку была в достаточной мере мечтательницей. Во всяком случае, такую возможность она рассматривала как одно из преимуществ своей работы. Для Мэри Эллен, которая любила блага этой жизни – особенно дорогие вещи, – платяной шкаф Кэролайн Стэнсфилд с кондиционированным воздухом для защиты одежды от вездесущей плесени Палм-Бич был поистине волшебным местом. Укутавшись с ног до головы в длинную шубку из выращенной на ферме норки, она сделала шаг назад, чтобы полюбоваться эффектом в большом зеркале.

У нее был тот же размер, что у Кэролайн Стэнсфилд, однако в случае с норкой это не играло роли. Другое дело – бальные наряды. Там важны точные размеры, и Мэри Эллен знала, что миссис Стэнсфилд никогда не обходилась меньше чем тремя примерками «У Марты», в шикарном магазине на Уорт-авеню, где она покупала многие вечерние туалеты. Впрочем, норка – это не столько одежда, сколько средство самоутверждения, а данная норка была весьма солидным средством самоутверждения, гораздо более демонстративным, чем любое поступление из банка. Мэри Эллен плотно обернула шубку вокруг 'себя и, прижав мягкий, теплый мех к узкой талии, сделала пируэт, поворачивая из стороны в сторону свою головку с длин-

ными черными волосами и изучая производимый при этом эффект. Он солнца, нещадно льющего лучи на горячий песок, на улице столбик в градуснике подбирался к восьмидесяти пяти, однако в спальне миссис Стэнсфилд температура держалась строго на семидесяти градусах, и прохладный воздух из автономного кондиционера в шкафу обдувал Мэри Эллен, пока она экспериментировала с мехом у зеркальной дверцы.

Господи, она была счастлива. Все у нее получалось. Она любила свою работу. Огромный, неуклюжий старый дом с его мизнеровской архитектурой, драгоценностями, слугами, экзотической пищей, постоянными вечеринками, машинами и веселыми шоферами, знаменитыми гостями, сверкающим огромным бассейном, с обожающими взглядами хозяйских сыновей, нестрогой хозяйкой, сенатором… Сенатор Фред Стэнсфилд. Его семя – внутри нее. Этот всемогущий человек, который обедает в Белом доме, возглавляет сенатскую комиссию по внешней политике, – что бы это ни означало, – который появляется на обложке журналов «Тайм» и «Ньюсуик». Что с того, что он старше ее втрое? Ее всегда влекло к пожилым мужчинам, к их жизненной мудрости, искушенности, к надежности, которую они олицетворяют.

Тело Мэри Эллен затрепетало от сладкой мысли о любовнике, и она еще плотнее укуталась в шубку. Вот бы раздеться догола, чтобы теплой кожей ощутить ласковый мех. Вот было бы здорово. Заниматься любовью с сенатором в норковой шубке его супруги. Мэри Эллен на какую-то долю секунды замешкалась. Не лгал ли Фред Стэнсфилд, когда говорил, что у них с женой существует «взаимопонимание», и она действительно не возражает против того, чтобы он занимался любовью с ее горничной? Это казалось довольно странным, но ведь у таких людей все иначе. Восхитительно, потрясающе иначе. Они настолько богаче всех остальных. Мэри Эллен с усилием отбросила сомнения. Она не любила причинять людям боль и поверила сенатору, когда он убеждал ее, что все в порядке. Так было гораздо удобнее. Она была в безопасности. В безопасности на своей прекрасной работе – могла находиться в самом центре той жизни, о которой всегда мечтала, причем она оказалась в роли не наблюдательницы, а участницы. В каком-то смысле именно она была женой сенатора, и эта меховая шубка принадлежала действительно ей.

Вновь Мэри Эллен обожгло пламя чувственности. Она решила позволить себе расслабиться… совсем чуть-чуть. По-прежнему глядя на себя в зеркало, Мэри Эллен распахнула шубку. Ноги у нее были красивые – очень красивые. Она медленно подняла доходившую до колен белую юбку форменного костюма и обнажила хлопчатобумажные трусики, которые были полным контрастом черным чулкам и коричневому меху. Левой рукой Мэри Эллен высоко задрала юбку, а правой стянула трусики до середины бедер, наслаждаясь визуальным эффектом того коллажа, который создала.

– Тебе нравится эта шубка, Мэри Эллен? Голос принадлежал Кэролайн Стэнсфилд, стоявшей в дверях спальни. Ее вопрос был простым и прямым. В нем не слышалось никакого раздражения. Совершенно. Казалось, будто ее действительно интересует, понравилась ли ее шубка Мэри Эллен.

Мэри Эллен ощутила, как на нее накатила волна ужаса. От острого смущения ее щеки залила розово-алая краска.

– О, миссис Стэнсфилд, мне страшно жаль. Мне, конечно, не следовало… Но она такая красивая. У вас все вещи такие красивые.

Я с удовольствием подарю ее тебе, Мэри Эллен.

– Что?

– Шуба твоя. Я бы хотела, чтобы она осталась у тебя. В качестве подарка.

Мэри Эллен подумала, не сыграло ли воображение каким-то причудливым образом с ней дурную шутку. Наверное, миссис Стэнсфилд оскорбляет ее, орет, чтобы она сняла шубку, а в ее воспаленном мозгу все перевернулось, и желаемое выдается за действительное?

– Вы хотите сказать, что она – моя? Вы хотите, чтобы она принадлежала мне, чтобы я забрала ее?

Кэролайн Стэнсфилд мило улыбнулась. Действительно, очень хорошая девушка. Совсем не испорченная, Свежая, полная жизни – и очень, очень красивая. Легко понять, почему ее супругу не удалось удержаться. Кэролайн часто не могла уразуметь, что он находил в некоторых других, однако Мэри Эллен, без сомнения, обладала уникальной притягательностью. Как жестока жизнь. Причем порой жестока без всякой необходимости. Ну почему Фред не мог зашторить окна, как это делают другие респектабельные мужья, обманывающие жен? Он, право, поступил весьма неосмотрительно, особенно учитывая то, что именно ей приходится наводить порядок и собирать осколки. Как ни странно, Кэролайн было жаль очаровательную маленькую горничную. Она была истинным сокровищем. Одежда содержалась в прекрасном состоянии, чемоданы укладывались безукоризненно, все всегда лежало на своем месте. Теперь конечно, ей придется отказать от места. Вопрос только – как.

Но действовать надо осторожно. На свете по-настоящему важно лишь одно – доброе имя Стэнсфилдов. Его необходимо сохранить любой ценой. Эта девушка живет в Уэст-Палм-Бич, а Уэст-Палм находится всего лишь за мостом через окно. Нельзя, чтобы она поносила Стэнсфилдов. Ни в коем случае. Не то чтобы Кэролайн хотя бы на секунду допустила мысль, что Мэри Эллен на это способна. Она слишком добропорядочна.

В уголках глаз Мэри Эллен навернулись крупные слезы облегчения и радости. Ее не только не отругали, а еще и вручили подарок несравненной красоты, вещь, о которой она не могла мечтать даже в самых пылких фантазиях. Она излучала потоки невинной любви к источнику своего счастья. Мысли проносились в мозгу, пока губы подыскивали подходящие слова благодарности.

Однако, подняв руку, Кэролайн Стэнсфилд прервала бессвязную речь прежде, чем та зазвучала.

– А теперь, Мэри Эллен, я бы хотела обсудить с тобой один вопрос, – сказала она.

* * *

– Наш замечательный сосед как будто намерен потягаться с Никсоном. Согласно опросу Гэллопа, они идут голова к голове.

Сенатор сидел во главе длинного обеденного стола из красного дерева, отполированного до ослепительного блеска, а перед ним была раскрыта «Уолл-стрит джорнэл». В семье Стэнсфилдов только одному сенатору было позволено читать ежедневные газеты за завтраком, и это давало ему значительные преимущества перед остальными. Как обычно, сенатор на полную катушку использовал свою привилегию.

Дети Стэнсфилдов откровенно застонали.

Мизнеровская вилла Кеннеди на бульваре Норт-Оушн была возведена двумя годами позже виллы Стэнсфилдов, и с газона перед их домом виднелся уродливый мол массивной дамбы Кеннеди, воинственно выдававшейся в океан на пляже Норт-Энда.

– Мне кажется, Кеннеди может победить. Бобби, занимавший по традиции, на правах старшего сына, место справа от отца, подлил масла в огонь. В подобных случаях «верным» считалось только мнение сенатора Стэнсфилда.

– Вздор, Бобби. Это показывает, как мало ты знаешь. Никсон его уроет. За Кеннеди проголосует Массачусетс, Мэн, Нью-Йорк – восточные либеральные штаты. Никсон, завоюет Юг, Запад и Средний Запад.

Безо всякой борьбы.

– Что ж, я, определенно, надеюсь на это, – промолвила Кэролайн Стэнсфилд со своего конца стола. – Было бы весьма неудобно, с точки зрения дорожного движения, жить на одной улице с президентом. И так здесь достаточно туристов с материка.

Супруг поддержал ее бурчанием.

– Да уж, агенты из Секретной службы начнут шарить по пляжу и во все совать свой нос, – мрачно добавил он.

На секундочку он позволил себе помечтать. Двадцать лет назад у него был шанс стать президентом, однако блестящая возможность ускользнула. Боже, как он хотел этого, власти и славы, и всех тех атрибутов, которые сопровождают пребывание на высшей должности, включая агентов Секретной службы. Его вновь охватил оптимизм.

– Этого не случится. Не может случиться. Кэролайн выразила свое несогласие с ним вполне решительным тоном.

– Не уверена, что ты абсолютно прав, дорогой. Знаешь, я видела Джека Кеннеди и его жену у Грина в прошлое воскресенье. Они ходят туда после церкви на Сент-Эдвард. Она, безусловно, прелестна и обладает безукоризненным вкусом. А он, право, очень привлекателен. Боюсь, бедняга Никсон по сравнению с ним будет выглядеть, как мелкий агент по продаже недвижимости – или кто-нибудь еще похуже. По-моему, сейчас очень важен внешний вид. Особенно из-за этого телевидения. Ты сам всегда говорил об этом, милый.

Фред Стэнсфилд опустил чашку на сияющий стол несколько энергичней, чем было необходимо. И жена, и сын за столом во время завтрака вступили с ним в открытое противоборство в той сфере, где он считался признанным экспертом. Хуже того, они полагают, что один из Кеннеди скоро попадет в Белый дом.

Для стороннего наблюдателя Стэнсфилды и Кеннеди, казалось, имели много общего. Обе семьи были богаты, жили по соседству в Палм-Бич четверть века, а теперь имели представителей в самом эксклюзивном клубе Америки – в сенате Соединенных Штатов.

Однако на этом сходство заканчивалось. Фред Стэнсфилд был воплощением их различия. От серебряных патрицианских седин, уложенных «Брилкримом», до безупречно начищенных коричневых свободных мокасин с кисточками, которые, разумеется, носились без носков, сенатор был истинным представителем старого Палм-Бич. Потертый зеленый блейзер члена клуба «Эверглейдс», темный роскошный загар и кремовая льняная рубашка лишь подтверждали его аристократическое положение.

С его точки зрения, Кеннеди были наглыми выскочками, столь же почтенными, как, скажем, Ол Опри. И что еще хуже, это были демократы с Севера, которые осмеливались жить, по крайней мере часть года, на Юге, в стане убежденных республиканцев. Для Стэнсфилдов Кеннеди были классовыми врагами, либеральными позерами, которые продались жутким этническим меньшинствам, авантюристами, которые отвернулись от своих, чтобы прийти к власти. Ладно, пусть ему самому приходится иногда заигрывать с черными и еврейскими избирателями, однако он не позволил бы ни тем, ни другим переступить его порог. А потом, все эти католические дела. Колокольчики да ладанки. Папство. В настоящем высшем обществе Палм-Бич одно лишь это равносильно смертному приговору. В этом городе настоящие американцы – белые, англосаксы, протестанты – не давали спуску, и Кеннеди подвергались полному остракизму. Во всем этом деле раздражало лишь то, что, поскольку клуб «Эверглейдс» отказал в приеме старому Джо Кеннеди, семья Кеннеди совсем вышла из игры и отказывалась проявлять хоть малейшее желание участвовать в мероприятиях общества, которое так хотело оттолкнуть их.

Трое дочерей Стэнсфилда, почуяв начало многообещающего семейного спора, как всегда, встали на сторону своего харизматического отца. Обычно эта команда побеждала, по крайней мере в политических вопросах. В разговор вмешалась Банни Стэнсфилд, девятнадцатилетняя студентка подготовительного юридического колледжа.

– Избиратели ни за что не предпочтут католика вице-президенту Эйзенхауэра. Кстати, нам он не кажется таким уж привлекательным. Нам кажется, что он зануда. Банни Стэнсфилд обычно говорила от имени остальных девочек, и все трое всегда предпочитали голосовать блоком.

Это был способ выживания в среде Стэнсфилдов, где доминировали мужчины.

Фред Стэнсфилд расцвел, одобряя своих трех бесцветных дочерей. Сидящий в нем политик был натаскан принимать поддержку, от кого бы она ни исходила.

– Конечно же, ты права, Луиза. Сразу видно, что тебя чему-то учат в Шорлотсвилле.

Он отказывался называть детей их уменьшительными именами.

Кэролайн Стэнсфилд задумчиво смотрела на старинный стол. Во многом, подумала она, это сверкающее дерево выглядит более постоянным, более внушительным, чем весь клан Стэнсфилдов, собравшийся вместе. То же относилось и к Брауну, древнему, но безупречно вышколенному англичанину-дворецкому, который бесполезно суетился у огромного сервировочного стола возле стены. По какой-то причине, уже давно забытой, он традиционно разливал горячий кенийский кофе. Проделывал он это трясущейся, неверноной рукой, внося элемент опасности в семейный завтрак. Остальное – кеджери, ветчину и яйца на серебряном подносе, кукурузные хлопья «Келлогг» – все накладывали себе сами. Кэролайн любила завтраки больше всего. Это было единственное время, когда гарантировалось присутствие всех – нечто вроде неофициальной встречи, во время которой можно обсудить семейные дела.

– Уверена, что ты прав, дорогой. Ты обычно бываешь прав.

Кэролайн признала поражение; Фреду понадобится эта победа, чтобы пережить последующий маленький удар.

Фред Стэнсфилд просиял, глядя через стол на супругу. Он засунул в рот большой ломоть поджаренного хлеба и удовлетворенно откинулся на стуле. Намечается еще один удачный день. Кое-какие письма с секретарем. Гольф в клубе, после чего – обильный ленч. А потом, ближе к вечеру, может быть, повторение сладостного общения с Мэри Эллен. Сенатор лениво отодвинул тарелку из лиможского фарфора, не съев и половины ее содержимого. Надо следить за талией. Хотя бы ради этой хорошенькой горничной.

Боюсь, мне пришлось отказать Мэри Эллен, – безмятежно проговорила Кэролайн Стэнсфилд, ни к кому конкретно не обращаясь.

Она обвела взглядом сидящих за столом, желая увидеть реакцию на свою новость.

Бобби низко склонил голову, похоже, чрезвычайно заинтересованный толстой льняной салфеткой, которую видел каждый день в течение всей своей жизни. Он почувствовал, как к его щекам приливает краска.

– А, – произнес сенатор.

Впервые за много лет он полностью утратил дар речи.

Девочки были едины в своем одобрении. Исключительно привлекательная Мэри Эллен давно стояла у них поперек горла.

Джо, самый младший сын, остался совершенно равнодушен. Девяти лет было несколько маловато, чтобы оценить по достоинству Мэри Эллен. Заговорил только двенадцатилетний Том. Он не был слишком мал.

– О, мама, почему? По-моему, она была очень славная.

– О да, она была довольно славненькая. Уверена, что мы все это заметили, не правда ли, Фред? Дело в том, что как раз в последнее время Мэри Эллен несколько пренебрегала своими обязанностями, поэтому мне пришлось отказать ей.

Говорила она это, как бы предлагая проблему для обсуждения, однако никто из присутствующих за столом, включая мужа, не посмел усомниться в компетентности Кэролайн Стэнсфилд. Мэри Эллен была навсегда исключена из их мира.

* * *

Последние несколько дней были для Мэри Эллен адом на земле, но теперь, когда сырой жар влажного лета во Флориде уступил сухой свежести зимы, казалось, появилась новая надежда. Помогло возбуждение, которое принесли выборы. Не ложились спать ночи напролет, пока бушевала могучая избирательная битва. В четверть восьмого вечера, когда компьютер компании Си-би-эс предрек победу Никсона, а Томми и отец Мэри Эллен погрузились в глубину отчаяния, сама Мэри Эллен болела за республиканцев. Но, как это ни странно, когда часом позже прогноз был уточнен в пользу Кеннеди с 51 процентом голосов избирателей, Мэри Эллен поймала себя на том, что разделяем радость победивших. Кеннеди, конечно, жили «там», однако «те» их ненавидели. Одна мысль о том, что их сосед оказался в Белом доме, приведет Стэнсфилдов в отчаяние, и, как это ни парадоксально, Мэри Эллен обнаружила, что ей хочется именно того, чего они больше всего боялись. Они просидели всю ночь, опустошая упаковки с пивом и ликуя по поводу побед демократов до пяти сорока пяти утра, когда Джон Фицджеральд Кеннеди оказался первым в Мичигане. Забрезжил рассвет нового дня, и в то время, когда Уэст-Палм переживал похмелье, а черные сходили с ума от надежд, вызванных обещаниями президента, Мэри Эллен воспряла духом.

В ногах кровати, словно живое олицетворение ее изменившихся взглядов, лежала меховая шубка Кэролайн Стэнсфилд. Шубка уже больше не являла собой длинное, до лодыжек, свидетельство ушедшей эпохи. Она была усовершенствована и так же, как и вновь избранный президент, смотрела вперед, а не назад. С дерзостью прирожденной анархистки, Мэри Эллен поработала над шубкой ножницами, и в занимающемся рассвете та обрела новомодную длину чуть выше колена. Оставшийся после радикальной операции материал Мэри Эллен использовала для создания шляпки-таблетки, именно такой, какую она видела в новостях на Джекки Кеннеди, и теперь эта шляпка с муфточкой из того же меха лежали на кровати рядом с укороченной шубкой.

Мэри Эллен с надеждой взглянула в окно. Неужели эта свежесть в воздухе действительно предрекает зимнее похолодание, при котором температура упадет до сорока, а то и ниже? Мэри Эллен молила Бога, чтобы это произошло. И черт с ним, с урожаем цитрусовых. Мэри Эллен хотела носить свою шубку. Во Флориде так мало дней, когда она сможет пощеголять в обновке.

Она нетерпеливо схватила шубу и натянула ее поверх майки и джинсов, борясь с горько-сладким воспоминанием о спальне миссис Стэнсфилд. Теперь шубка принадлежит Мэри Эллен. Взятка за молчание? Анестезия против боли? Обноски для поверженной соперницы? Да 'что угодно. Это теперь не имело значения. Впереди целая жизнь. Здесь. Сейчас. В начале шестидесятых. А порезанный мех станет ее талисманом на будущее. Когда в него впились ножницы, то резали они не просто мездру. Они отсекали пуповину, которая связывала Мэри Эллен с прошлым. Наконец-то она свободна. Свободна быть самой собой.

Мэри Эллен откинула голову и посмотрелась в зеркало. А пошли они все куда подальше. Ей хотелось рассмеяться в лицо всему миру. Она молода и очень красива, и если Палм-Бич оказался ей недоступен, то доступным будет Уэст-Палм.

Однако, бросая вызов судьбе своей красотой и жизнерадостностью, Мэри Эллен вынашивала тайную мечту. В один прекрасный день, если Господь пошлет ей дочь, то этот ребенок станет тем, кем не пришлось стать ей. Мэри Эллен пошлет дочь через мост, чтобы завоевать землю обетованную, откуда ее так жестоко выдворили.

* * *

Подминающий сознание, закладывающий уши рок-н-ролл выбивал из мозгов любую мысль. Подобно ураганному прибою, он накрывал все вокруг: людей, моторы, сверкающий воздух, в котором вибрировал сам. Одолеть его было невозможно. Приходилось смиряться, сдаваться ему на милость.

Джек Кент колдовал на своей карусели, как танцор в балете исполняет собственные замысловатые па. Это были лучшие моменты его жизни, повторяемые по сотне раз на дню. Поезд медленно начинал свой волнообразный маршрут, и людской его груз, оживленный и готовый к движению, радовался нарастающему внутри возбуждению. Выкрикивая что-то друзьям, наблюдавшим за ними с выжженной травы, людям, сидящим в соседних вагончиках, пассажиры переходили на визг, чтобы быть услышанными за дикой, оглушительной музыкой во время разгона поезда. Предполагалось, что Джек должен лишь собирать билетики и следить за тем, чтобы все сидели безопасно, однако он здесь являлся как бы ковбоем на родео, квинтэссенцией духа ярмарки, каждым своим движением усиливающим трепетное чувство едва скрытой сексуальности, первобытной агрессивности, которые прячутся под внешней оболочкой любого человека. Он и сдерживал, и раскрепощал. В этом-то и заключался его секрет. Литые мускулы Джека Кента, гладкие и лоснящиеся под тонкой пленкой тавота, сжимались и расслаблялись, когда он, словно Человек-Паук, легко пробирался среди воющих пассажиров, отважно бросившись с неподвижного дощатого настила на мчащиеся вагончики только за тем, чтобы спрыгнуть через секунду назад, гулко ударив своими короткими, мощными ногами о доски платформы. Все вокруг было чревато болью и погибелью. Один неверный шаг, одно крошечное не рассчитанное движение, и Джек Кент превратился бы в ничто, в не стоящую внимания дребедень, вроде той, какую он часто молол языком. Чтобы усилить напряжение, он усложнял свою задачу и, играя со смертью, закуривал сигарету, выпивал банку пива, приглаживал свои черные напомаженные волосы, умело укладывая их кок на манер утиного хвоста.

Он постоянно вел диалог с пассажирами, которые оплачивали аттракцион.

– Эй, малышка. Какая красоточка. Держись крепче. Будь осторожней.

Из-за этого посетители приходили еще раз. Иногда и много чаще. Острым, опытным глазом Джек Кент подмечал все. Он видел, как во взоре девочки-подростка разгорается любовный жар, ноги ее сжимаются теснее, напрягаются созревшие груди. Ему были необходимы тугие оттопыренные попки, волнующая, мягкая подростковая кожа и оленьи глаза девственниц, отдававшихся ему на траве или стоя в будке генератора. Джек срывал с них облегающие джинсы, как избалованный ребенок разрывает обертку последнего из множества рождественских подарков, и вгрызался в них без всякой мысли о том, что они испытывают, удовольствие или боль. Все они сливались для него в одну. Теплые, трепещущие создания, которые существовали только для того, чтобы дать ему сознание собственного великолепия.

Мэри Эллен бессчетное число раз наблюдала за работой отца, и это ей никуда не надоедало. Она пропутешествовала с ярмаркой все детство. До этого Джек Кент перепробовал все. Бросал дротики, накидывал петлю на хлопковые сладости, даже работал на «угадайках веса». Но только побывав на карусели, нашел свое призвание. Джек оказался рожденным для этого. За коротких два года он утроил доходы от карусели, был принят в долю, а затем и выкупил ее у своего компаньона. Деньги были небольшие, однако ему хватило ума купить деревянную развалюху в Уэст-Палм, которая навсегда стала прибежищем для семьи. Сам находясь постоянно в разъездах, он создал домашний очаг для жены и Мэри Эллен. Сооружение было не ахти какое, с выцветшей, отслаивающейся краской, треснувшими балками и покоробившимися, неровными бревнами, однако оно наполнилось любовью и жизнью. По вечерам, когда Мэри Эллен подходила к дому, он выплывал из темноты, подобно грузовому пароходу из желтого густого тумана,

и керосиновая лампа гостеприимно мерцала на крыльце. Отец, если он вообще находился в городе, пил в баре «У Рокси» с Уилли Бой Уиллисом и Томми Старром, однако мать сидела дома и приветливо окликала Мэри Эллен, когда та ступала на скрипучие половицы веранды, и густой ночной воздух наполнялся запахом чили и тихими звуками музыки кантри, которую она любила.

Глубоко вздохнув, Мэри Эллен собралась с силами, чтобы перекрыть музыку.

Томми Старр улыбнулся и попытался ответить. Затем смирился и широко развел руки, признавая свое поражение. А затем даже заткнул оба уха для большей ясности.

Томми любовно улыбнулся Мэри Эллен, и на его большом, с резкими чертами лице появилось выражение полнейшего обожания. Томми едва ли мог припомнить то время, когда он не был влюблен в Мэри Эллен, а просыпаясь по утрам и засыпая по вечерам, он ощущал горечь при мысли о том, что Мэри Эллен отказала ему. Теперь он почти смирился с действительностью. Мэри Эллен была слишком хороша для него и, к сожалению, сознавала это. И вовсе она не была заносчива или высокомерна, просто имела храбрость лелеять мечту. Город за водной гладью овладел ею, и теперь Палм-Бич и все связанное с ним будоражили ее кровь. Это началось с того момента, как ее наняли Стэнсфилды. Мэри Эллен увидела рай, и Уэст-Палм был позабыт. Совсем недавно появился было шанс. Эти богатые, высокомерные сволочи уволили Мэри Эллен. Томми так и не узнал, почему Мэри Эллен была опустошена; она погрузилась в бездну отчаяния, и на ее страдания было больно смотреть. Томми пытался подбодрить Мэри Эллен, отвлечь ее от этой стаи крыс за мостом, но она все равно отказывалась считать себя прежней девушкой из Уэст-Палм.

Как-то Томи после крепкой поддачи «У Рокси» напросился к Джеку в гости. Когда они пробирались по скрипучему крыльцу с пустым креслом-качалкой и потрепанной плетеной мебелью, из дома послышалось рыдание. Они пошли выяснить, в чем дело, и там, при свете беззвучно мигающего телевизора, перед Томми предстала картина, которая навечно врезалась в его память. Поперек латунной кровати, словно брошенная грустная тряпичная кукла, лежала Мэри Эллен, совершенное тело ее обрамляли мятые, неопрятные простыни. Она неподвижно застыла в прострации между сном и явью, мятое и грязное белое платье лишь частично прикрывало ее. Одна лямка сползла с плеча, и из-под верхней кромки платья невинно выглядывал розовый сосок, венчающий грудь идеальной конической формы.

Выше груди и над губой сверкала тонкая пленка пота. Неряшливо спутанные волосы, разбросанные по подушке, окаймляли ее открытое лицо, неподдельная и откровенная красота которого покорила Томми. Стоя рядом и пытаясь проникнуть во внутренний мир Мэри Эллен, в ее муки и горести, Томми с ужасом осознал, что ему никогда не владеть этой девушкой. Ее страдания и печали были слишком сильны для него. Куда ему было тягаться с тем, что способно вызвать такие эмоции…

А теперь Мэри Эллен озадаченно смотрела на Томми, наблюдая, как улыбка на его лице сменяется смущенным выражением задумчивости. Милый Томми. Такой большой, такой надежный. Он был слеплен, как гора, и будет таким же постоянным. Много лет отец расписывал Мэри Эллен достоинства этого работящего, занятого тяжелым трудом на стройке человека, которого он прочил дочери в мужья, но сколько она ни слушала, так и не могла преодолеть себя. Голоса сирен постоянно влекли ее к земле за водной гладью, где обитали титаны, и по сравнению с их утонченностью и жизненной мудростью Томми Старр казался карликом. Но то было тогда, а то – теперь. Мир, к которому она тянулась, отверг ее, и она переболела им. Желать продлить мучения могут только мазохисты. Поэтому Мэри Эллен наконец сунула свою ручку в массивную лапу Томми и рассмеялась, увлекая его прочь из царства державших их в плену звуков.

Был полдень, и толпа боролась с беспощадной жарой. А Мэри Эллен, казалось, только расцвела от нее. Она раскрылась вся, словно тончайший, изысканнейший цветок гибискуса.

Простое белое хлопчатобумажное платье плотно облегало девичью грудь, демонстрируя миру ее совершенную форму, вызывающе остроконечные соски, безукоризненную ее упругость, которая не нуждалась ни в какой поддержке и не имела ее. Широкий ремень из раковин, привезенный отцом из Альбукерка и ставший ее самой дорогой вещью, стягивал узкую талию и подчеркивал длину красивых загорелых ног. Мэри Эллен не носила чулок или колготок, и под тонкой материей платья чуть просвечивал силуэт белых трусиков, обтягивающих крепкие мальчишеские ягодицы.

Время от времени Томми бросал на нее украдкой взгляд, как бы убеждая себя, что все это не сон. Он боялся думать об этом, но в Мэри Эллен явно что-то изменилось коренным образом. Томми заметил перемену еще пару дней назад, однако теперь она была очевидна. В Мэри Эллен вновь появилась жизнерадостность, и, похоже, больше всего выиграл от этого именно он. Отношение Мэри Эллен к нему стало иным, он больше уже не был только надежным старшим братом, другом, всегда находившимся под рукой. Их отношения, казалось, вступали в какую-то совершенно новую область.

– Ну, и как тебе ярмарка? – сжала огромную ручищу Мэри Эллен.

Томми было совсем не до ярмарки, однако он, пожалуй, еще не испытывал подобного счастья. Воздух для него наполнился сказочным ароматом, а дешевые, аляповатые ларьки по сторонам превратились в волшебные декорации главного спектакля – драмы его любви к стоящей рядом девушке.

Мэри Эллен хотелось, чтобы Томми понравилась ярмарка. Это было ее детство, атмосфера ярмарки впиталась в ее кровь. Томми всецело был во власти Мэри Эллен и желал лишь одного – доставить ей удовольствие.

– Мне так нравится, Мэри Эллен.

– Наверное, тебе надо еще посмотреть безголового мертвеца. Или ты предпочитаешь самого толстого человека в мире?

– Давай лучше покатаемся на поезде ужасов.

– Хорошо, но только ты уж постарайся не распускать руки. А то мне раньше на этой чертовой штуковине приходилось бороться не на жизнь, а на смерть.

Из груди ее полился смех, однако слова эти прозвучали двусмысленно. Томми почувствовал, что кровь его вскипела. Она фонтаном ударила в щеки и залила их краской. В то же время кровь хлынула вниз, и с хорошо знакомым чувством беспомощности Томми ощутил, как напрягся его член.

Мэри Эллен заметила его смущение и засмеялась громче. Ее рука легла на талию Томми, отчего возбуждение стало нарастать. Мэри Эллен тоже ощутила, как начинает распаляться. Облизнув язычком внезапно запекшиеся губы, она позволила себе опустить взгляд ниже. Мэри Эллен ясно разглядела вздувшийся бугор и с усилием отвела взор; однако, пока она вела Томми к кассе на поезд ужасов, увиденное стояло у нее перед глазами.

И вот, усевшись в открытый вагончик и приготовившись к путешествию в суррогат страсти, Мэри Эллен прислонилась к Томми, вздернула голову и томно прошептала ему на ухо:

– Я это просто так сказала, Томми. Насчет того, чтобы ты не распускал руки.

Вагончик с грохотом рванулся в темноту, и, к неимоверному восторгу Томми, тихие слова и теплое дыхание возле уха сменились томительной влагой ищущего языка. Его тихий стон желания разительно не соответствовал воплям неведомых чудовищ в мрачной темноте, где начали вспыхивать и светиться скелеты и демоны.

Слегка повернувшись к Мэри-Эллен, Томми обхватил ладонями ее теплые щеки и придвинул ее лицо к себе. Словно принимая святые дары во время первого причастия, он склонился над губами Мэри Эллен, исполненный почтения и благоговения к их первому поцелую. Опытные губы Мэри Эллен с жадностью потянулись к его губам. Сначала она играла с Томми, прикасаясь к нему, как пушинка, время от времени отстраняясь, чтобы вновь вернуться. При-

открыв рот, она осенила Томми своим теплым, сладостным дыханием, дав ему почувствовать ее запах, ощутить ее страсть.

Томми задрожал от возбуждения. Он и представить себе не мог, что это будет так. Так медленно, так напряженно. Он уже очутился на каком-то астральном уровне экстаза, а ведь это был всего лишь поцелуй. Необходимо идти дальше и дальше. Ничто не должно остановить их. Томми ринулся к Мэри Эллен, и его пенис, словно окаменевший в плотных джинсах, прижался к ее телу.

Мэри Эллен ощутила призыв его тела и ответила своим. Сперва она прикусила его нижнюю губу, нежно водя по ней зубами, а затем там очутился ее язык, словно влажный оазис в выжженной пустыне его пересохших губ. Сначала он вел себя, как добросовестный исследователь, осторожный, любознательный путешественник в незнакомой стране, но затем, когда в груди Мэри Эллен загремел оркестр страсти, язык осмелел. Сейчас Томми ощущал вкус слюны, чувствовал стремительное проникновение раскованно двигающегося во рту языка – теперь уже конкистадора, безжалостного и беспощадного в своем желании удовольствий.

Томми сжал Мэри Эллен сильными руками, а она отчаянно прильнула к нему, обняв левой рукой за шею, а правую положив на грудь. Затем ее правая рука начала двигаться. Замерев от радости, Томми и желал, и боялся того, что должно было случиться.

Рука Мэри Эллен достигла своей цели, и на секунду она крепко сжала его через натянутую грубую ткань.

В сознании Томми бешеные мысли перемешивались с окружавшим их безумным грохотом. Качающийся, гремящий вагончик наклонялся на нелепых крутых поворотах и бесконечно врезался в створчатые дверки, на которых плясали скелеты и жуткие демоны. В темноте завывали визгливые койоты, а призрачная паутина гладила волосы и лицо, в то время как божественные пальцы любимой разжигали в Томми страсть. Мэри Эллен полюбила его. Наконец-то это случилось. После долгих лет безнадежного желания сейчас, здесь, в беснующейся тьме ярмарочного поезда привидений, он почувствовал экстаз. Казалось, судьба разыграла жестокий и прекрасный спектакль, устроив рай в таком месте, где быть его не могло.

Мэри Эллен слабо отдавала себе отчет в этом парадоксе. Она не представляла, что желание может захватить ее так мгновенно. В течение долгого времени Томми означал для нее одно. Теперь, по причинам, которые она не могла понять, он превратился в другое. Создавалось ощущение, будто кто-то приподнял завесу. Она была ослеплена картиной Палм-Бич, и реальный мир – мир теплой плоти и буйных желаний – был для нее недосягаем. Но события прошедших недель ее каким-то образом излечили. Она больше не томилась в темнице, не жила в воображаемых воздушных замках, не была рабыней своего честолюбия и страсти к лучшей жизни. В послеполуденной жаре, в запахах воздушной кукурузы, кебабов и жареного арахиса, которые проникали в ее ноздри, в мелодичных жалобах кантри, струящихся ей в уши, Мэри Эллен нашла себя вновь, и это было прекрасное чувство. Ее пощадили, и мир засверкал для нее вновь, как для заключенного, которому отменили смертный приговор. Сейчас ей больше всего хотелось жить, а для этого лучше всего – любить. Любить этого хорошего человека, который так сильно желает ее. Которого она теперь так страстно желает сама.

Мэри Эллен посмотрела в доброе лицо Томми, которое то появлялось, то исчезало в бликах призрачных огней, заливаемое оранжевым, пурпурным и ярко-зеленым светом, когда поезд проносился через пещеры ужасов, а безголовые мертвецы разбрызгивали вокруг кровь. Как много выражало это лицо! У Томми был ошеломленный вид человека, застывшего у раскрывавшейся перед ним пропасти, ничего не понимающего, удивленного и беспомощного в руках судьбы. Рот его приоткрылся, глаза сверкали, он часто дышал, раздувая ноздри. Взрывы оглушительного хохота придавали комизм страшному напряжению чувств, но они же и усиливали его, подчеркивая особую прелесть момента, когда соединяются сердца и соприкасаются души. Мэри Эллен прошептала Томми твердым голосом среди кипевшей вокруг бури ужасов:

– Я хочу, чтобы ты любил меня, Томми. Голос Томми захлебнулся в накрывшей его волне возбуждения. Да. Любить – это таинство. Красота полного единения. Он всю свою жизнь стремился к этому.

– Да.

– Я хочу здесь. Сейчас.

Мэри Эллен произнесла это настойчиво, требовательно. Она крепко сжала его рукой, подчеркивая недвусмысленность своих слов и пронзая все его существо стрелами наслаждения.

– Как?

И тогда Мэри Эллен улыбнулась ему. До сих пор она не знала, как, но теперь поняла.

Место для них найдется. Где-нибудь да найдется. Этого требовал момент, и это требование было справедливо. В глазах Мэри Эллен Томми увидел, что она хочет забыть об унижении в прошлом, потеряв голову в настоящем. А он лишь страстно желал быть с нею. Когда вагончик замедлил движение, он встал вслед за Мэри Эллен, выпрыгнул вслед за ней, и через несколько секунд, едва пустой вагончик скрылся из виду, они оказались одни в темноте.

Времени на размышление не было. Не было времени нервничать. Оставалось лишь слушать журчащий, отрешенный смех, видеть откинутую назад прекрасную головку, страсть, сверкающую в искрящихся глазах, чувствовать, как к нему прижимается мягкое тело. Томми держал девушку целую вечность, вдыхая ее теплый запах, с изумлением скользя пальцами по нежной коже на ее шее. Она принадлежала ему, и здесь, в безликой тьме, пока другие искатели острых ощущений проносились мимо всего в нескольких футах от того места, где стояли они, Томми упивался радостью обладания.

Механические вопли прорезали воздух, провоцируя восторженный визг пассажиров, на полную катушку использовавших минуты ужаса, но Томми слышал лишь стук своего сердца, ощущал только холодные руки, которые подталкивали его к блаженному соединению. Он внимательно вглядывался в Мэри Эллен, пытаясь запечатлеть ее красоту в своем сознании. Черная, грязная стена, к которой прислонилась Мэри Эллен, казалась ему потрясающе прекрасной оправой, пыльный воздух, который они вдыхали, – свежим и искрящимся, как в первый день весны. Держа Томми обеими руками, смотря ему неотрывно в глаза, Мэри Эллен медленно, мягко тянула его к себе. Двигаясь туда, куда вела его Мэри Эллен, Томми ощущал слабость в ногах и пульсирующий ритм в желудке.

Мэри Эллен прильнула к нему, опалила своим теплым дыханием его щеку; ее белое платье мгновенно задралось до талии, а белые хлопчатобумажные трусики как бы сами собой скользнули вниз. Она была первосвященницей, которая руководила и управляла древним ритуалом любви.

Томми пытался растянуть каждый момент, продлить его, однако не смог сдержаться.

Мэри Эллен направила его в себя, ее тепло успокоило Томми, укутало его своей любовью, создало приют, в котором ему было суждено оставаться всю жизнь. Она издала долгий, судорожный вздох удовольствия от радостного умиротворения, которое принесло его присутствие. Это было так справедливо. Это было так, как должно быть и как должно было быть всегда. Момент настал. Бесконечный момент единения. Позднее наступит сладкое завершение, когда будут общаться их души, но сейчас существовала лишь реальность единственной истинной близости – внушающая благоговение своей простотой и красотой.

Они двигались, как во сне, словно один человек, исполняя танец в древнем ритме, которому никогда не учат, который никогда не объясняют. Они крепко обнимали друг друга, покачиваясь, склоняясь в слабых движениях, которые вызывали сладостные ощущения, купались в крепчайшем зелье чистейшего удовольствия. Иногда они замирали, паря на краю пропасти, и удивленно смотрели вниз на роскошную долину, к которой держали путь. Изредка они срывались вниз, как отважные ястребы, яростно рассекая ветер крыльями, летя над прохладными

ручьями и зелеными лугами рая, в котором они будут жить. Они беззвучно бормотали что-то друг другу, двигая губами в тщетной попытке выразить невыразимое, не замечая сумасшедшего ада, который окружал их. Фальшивый ад, который помог им обрести рай.

Они как бы решили вместе, когда закончить свое путешествие, его волшебное завершение было оговорено в каком-то таинственном месте, где не появляются никакие мысли, не произносятся никакие слова. Целую вечность любовники стояли неподвижно, отдавая дань той жизненной силе, которая скоро пройдет через них, окропляя пламя своим бальзамом, знаменуя конец и новое начало. И вот наконец это случилось. Акт созидания, сопровождаемый криками восторга обоих любовников, ликующими, пронзительными – и единственно неподдельными среди окружившего их со всех сторон неподдельного ярмарочного гвалта.

Глава 2

Лайза Старр переключила свое сознание на высшую скорость и перешла на сгорание. Потоки импульсов от осатаневших, протестующих мускулов отзывались в бешено работающем мозгу болью и восторгом, восторгом и болью. Это надо прочувствовать, выстрадать, если хочешь увлечь группу за собой. Тут-то и заключается весь секрет. Воздух в маленьком, душном гимнастическом зале ходил ходуном от грохота тридцати пар кроссовок, упорно отбивающих ритм упражнения по аэробике.

– Выше. Поднимайте выше.

Голос Лайзы утонул в хриплом реве стереоаппаратуры, но ее поняли. Все, кто был в зале, нашли в себе новый запас сил и еще энергичнее стали работать ногами.

Лайза видела, как растет напряжение. Отлично. Они поспевают за ней. Не останавливаются. На блестящих от пота лицах читалось изнеможение, но что-то в них проступало еще. Восхищение и благодарность. Лайза учила их делать нечто сложное, искать и находить нечто сверх возможного. Они были на пределе сил, и это доставляло им удовольствие.

Пора менять темп.

– Руки вверх, ноги в стороны – и раз, и два, и три, и четыре…

Это упражнение Лайза любила. Чем-то была приятна строгая геометрия движений, во время которых ладони хлопали над головой, а ноги прыжками безостановочно раздвигались и сдвигались.

Для нее и для многих в группе это упражнение было возможностью расслабиться. Отдыхом посреди всепоглощающего действия. После чудовищно тяжелого поднимания колен передышка необходима. Однако легко было не всем. Лайза отыскала глазами свою подругу.

Бедная Мэгги. Она фанатически предана занятиям и работает усерднее остальных, однако вид у нее такой, будто ее постоянно сводит какая-то судорога. Не то чтобы Мэгги была уродиной, все части тела, если рас-. сматривать по отдельности, вполне сносные, но фигура в целом производила ужасное впечатление.

Незаметно для Лайзы Мэгги с явным восторгом смотрела на свою подругу и наставницу, и глазам ее представала совершенно иная картина. Иногда Мэгги размышляла над тем, что же именно в великолепном теле Лайзы заслуживает наибольшего восхищения. Совершенная линия круглых ягодиц, напоминающих половинки сердца и плавно переходящих в бедра безупречной формы? Ее грудь, уверенно выпирающая вперед, неподвластная силе земного притяжения и увенчанная упругими сосками, проступающими через уже промокшее насквозь розовое трико? Ее шелковистые темные волосы с танцующей челкой, взлетающие и падающие на мускулистые плечи? Или, может быть, само лицо – огромные глаза, синие, как Коралловое море? Лайза умела делать их еще больше, когда хотела выразить удивление или интерес, и, казалось, глаза эти притягивали мужчин, как магниты. Маленький упрямый носик, который порой недовольно морщился. Полные, зовущие губы, которые, когда Лайзе было хорошо, приоткрывались, и за ними поблескивали превосходные зубы. Как на это ни посмотри, приходится согласиться, жизненная лотерея – сплошной обман. Лайзе Старр слишком повезло.

Находящаяся перед группой Лайза заставила себя сосредоточиться. Эти люди отдавали себя целиком, и она должна была отвечать им тем же. Если она позволит себе расслабиться хоть на секунду, то потеряет их, поставит под сомнение свою абсолютную приверженность к физической культуре. Эту ошибку допускали другие преподаватели, и из их групп начинался повальный отсев. У Лайзы, разумеется, таких проблем не было, и она рассчитывала обходиться без них и дальше. Эта вечерняя группа буквально трещала по швам от наплыва желающих, и прыгающие тела едва не касались друг друга, используя каждый дюйм маленького зала.

– Так, теперь поднятие колен в последний раз. Начали. Почувствуете боль…

Лайза прокричала последнее слово на пределе голосовых связок, и со скрытой радостью группового мазохизма группа ускорила движения. Деревянные доски гимнастического зала Уэст-Палм вновь заходили от ритма стаккато. Лайза видела, как на ее глазах сгорают калории. И даже ощущала запах гари. Насыщенный морской влагой воздух раннего вечера проникал через открытую дверь в маленькое помещение и неподвижно висел в зале, презрительно сопротивляясь убогим потугам древнего вентилятора под потолком заставить этот воздух циркулировать. Пот насквозь пропитывал облегающие трико, обнажая контуры скрытых под ними крепких, мускулистых тел.

– И двадцать, и еще двадцать, и раз, и два…

– Лайза, ты жестока.

Шутливый тон Мэгги потерялся в силовом поле яростного напряжения, когда от мускулов вновь потребовалось совершить невозможное и использовать последние остатки кислорода в помещении.

Теперь Лайза сама почти достигла того магического момента преодоления себя, когда тело и душа сливаются воедино, когда сладкая боль переплавляется во всепоглощающее ощущение, – пика занятий. Внезапно ставшее легким тело взлетело на облако, на котором, казалось, Лайза могла плавать вечно. Однако она была наставницей. Она не могла бросить блуждать без поводыря группу, этот отставший караван, силы которого утрачивались в попытках поспеть за нею.

– А теперь расслабимся, – прокричала Лайза. – Не останавливаться. Продолжайте легкий бег, но теперь отдыхайте.

Слова ее были встречены стонами облегчения, однако атмосфера взаимного восторга была почти осязаема.

– Эй, Лайза, где тебя обучали, в Дахау? – прокричала крупная, мускулистая девушка из последнего ряда. Лайза присоединилась к общему смеху.

– Чтобы заставить тебя двигать задницей, Полин, кнутов и дубинок недостаточно.

Лайзе было хорошо. Именно за это ей и платили, однако дело было не только в этом, далеко не в этом. На лицах этих девушек читалось уважение, которого Лайза не видела до того, как взялась за эту работу. И речь шла не просто о ее самоутверждении. Она приносила им пользу, и результаты были действительно налицо. Похорошев физически, ее ученицы чувствовали себя лучше, и проявлялось это в тысяче мелочей. Лайза видела, как за коротких шесть недель их фигуры улучшились, походка стала уверенней, ранее застенчивые девушки отпускали шуточки, становились более общительными, научившись больше любить себя. Это приносило огромное удовлетворение, и Лайзе хотелось этого все больше и больше.

– Ладно, теперь поработаем ногами.

Гибкая, как пантера, Лайза растянулась на резиновом мате.

Сдвинув колени и удерживая всю тяжесть торса на растопыренных кончиках пальцев, она взглянула вверх на море выжидающих глаз. Каков этих женщин средний возраст? Тридцать? Двадцать пять? Наверное, около того. Приятно в семнадцать лет заставлять их буквально плясать по ее приказу, работать под щелканье ее кнута на манеже. Что бы они сделали ради нее? Что она могла бы заставить их сделать? Легкое возбуждение от сознания своей власти пронзало Лайзу, когда она видела, что они любят ее, замечала, как они любуются ее прекрасным телом, завидуют ей из-за него, а то и желают обладать им, – да, в глазах некоторых девушек светился и слабый намек на недозволенное, в чем даже нельзя себе признаться. Влажную атмосферу зала словно легкий шотландский туман неуловимо наполнял пьянящий аромат физического желания. Это желание не выражалось ни словами, ни действиями, но существовало там, в сияющих глазах, в изредка бросаемых томных взглядах, в понижении таинственных гормонов, которые метались в пульсирующей крови. Лайза чувствовала это желание, осознавала его, но, как и

остальные, противилась ему, усилием воли загоняла в глубины подсознания. Желание ворочалось там, придавая сладкий тайный привкус и боли, и восторгу физического напряжения.

– А теперь я хочу, чтобы вы поработали над своими попками. Сделайте ваши зады прекрасными. Правую ногу поднять тридцать раз. Начали: и раз, и два…

Музыка теперь стала тише; бьющий по мозгам тяжелый рок, предназначенный для обычных упражнений, сменила более тонкая мелодия – настойчивая, ласкающая, нежная. Каждая фаза усиленных занятий, длившихся час с четвертью, имела различный характер, и сознание Лайзы переключалось на соответствующую скорость, чтобы гармонировать с ним. Данная фаза почему-то всегда приносила Лайзе чувственное наслаждение. Здесь боль отсутствовала. Если группа, вероятно, могла бы поднять ноги по пятьдесят или шестьдесят раз, то Лайза была способна без труда заниматься этим полчаса. Для нее разминочные движения были равносильны почесыванию зудящего места, и она испытывала сладкое чувство, растягивая мышцы, которые уже достигли пика физического состояния. Сейчас, высоко поднимая правую ногу вбок, Лайза ощущала напряжение в ягодицах, теплое горение в паху от раздвинувшегося влагалища, губы которого раскрывались, а затем с силой сдвигались под воздействием движения ноги вниз. В такие минуты Лайза пыталась представить, каково это – заниматься любовью с мужчиной.

Обычно Лайза была слишком занята, чтобы думать о подобных вещах, однако что-то в восхитительной физической раскованности разминки вызывало эти мысли из потаенной глубины. Сокрытое в крови, поте и слезах пламя разгоралось. Лайзе хотелось очутиться в теплых, сильных руках мужчины, и чтобы он принадлежал ей, а она – ему. Ей хотелось почувствовать, как его крепкое тело прижимается к ее крепкому телу. Мужчина, который одновременно и любил бы ее, и доставлял бы ей радость. Нежный, сильный, чуткий, могущественный. Лайза была твердо уверена, что со временем эта фантазия станет реальностью. Не сейчас, позже. Но скоро.

Осторожно, Лайза. Оставайся с ними. Будь с ними.

– Хорошо, девочки. Начали. Левой ногой – и раз, и два, и три…

Еще десять минут, и почти что все позади. Сначала упражнения, необходимые для отдыха. Легкая растяжка, медленное, размеренное дыхание.

– Хорошо, ребята. Все. Спасибо и до завтра.

– О, Лайза, ты меня сегодня в гроб вогнала. Мне кажется, что я труп. Нет, правда!

Положив руку на влажное плечо Лайзы, Мэгги излучала волны любви.

– Ерунда, Мэгги. Ты двигалась прекрасно. Я отмечала тебя несколько раз, У тебя получается, правда.

– Знаешь, Лайза, я люблю тебя в таком случае, но спасибо за поддержку.

Мэгги не питала иллюзий относительно себя. Мешок с картошкой – и тот наверняка двигался бы изящней. Это было так в духе Лайзы – щадить ее чувства. Но все равно, с точки зрения Мэгги, Лайза всегда поступала правильно, и Мэгги с удовольствием погружалась в тепло ее ауры.

– Ладно, Мэгги, давай выпьем кофе и чего-нибудь перекусим. Я к этому времени обычно жутко хочу есть.

Ни та ни другая и не подумали принять душ. Душ мог подождать. Если бы они помылись и остыли, то снова расплавились бы от влажного воздуха Флориды, прежде чем добрались домой. Почему-то потная Лайза выглядела бесконечно более соблазнительно, чем потеющая Мэгги.

В столовке на Клематисе они заказали кофе без кофеина и пончики. Лицо Мэгги приняло серьезный вид.

– Знаешь, Лайза, у тебя действительно очень хорошо получаются эти занятия. Мне кажется, тебе надо всерьез подумать о переходе на полную ставку.

Лайза рассмеялась.

– Тебе это просто кажется, потому что я снисходительна. Меня можно заменить любым, кто потребует большей отдачи.

– Нет, Лайза, я серьезно. Ты прирожденный тренер. Другим преподавателям до тебя далеко. Не только я так думаю. Вся группа об этом говорит. Ронни бесится, что у других девушек в группах больше никого не осталось.

На этот раз смех Лайзы прозвучал более задумчиво. Ситуация действительно складывалась таким образом, и из-за этого начали возникать некоторые проблемы. Она была на много голов выше остальных, и клиентура, естественно, это отмечала. Ронни, которому принадлежал гимнастический зал, действительно за последние недели охладел к Лайзе. Если остальные инструкторы начнут травлю за ее спиной, то она может оказаться жертвой собственного успеха.

– Да эти кошки просто ждут того, чтобы я перегорела, разорвала связку или чтобы со мной случилось что-нибудь еще. Ну что ж, ждать им придется долго. Мое тело меня не подведет.

Мэгги прочла решимость в глазах подруги. Иногда ей казалось, что Лайза отлита из самой лучшей закаленной стали. Как будто ничто не могло смутить ее. Прошел лишь год после страшной трагедии, способной подкосить любого, однако Лайза справилась, стала сильнее, чем прежде, прошла испытания и не сломалась от непоправимой беды. Не то чтобы она не страдала от горя. Лайза, естественно, ощущала боль, потому что она была сильной, но не жестокой. Тут есть разница.

Мэгги решилась высказать свою идею.

– Я и еще несколько девушек считаем, что тебе надо отколоться и заняться своим делом. Открыть собственный зал. Ты уведешь от Ронни всех клиентов. Мы все перейдем на твою сторону, до последнего бойца.

Они обе улыбнулись при невольном упоминании о противоположном поле. От некоторых привычек не избавишься без боя.

Лайза заговорила с сомнением в голосе:

– Но, Мэгги, любовь моя, для того чтобы открыть гимнастический зал, необходима такая вещь, как деньги. Надеюсь, ты не забыла, что это такое. Да нужно еще разбираться в счетах, собственности, займах и тому подобных вещах. Я могу взять группу, а все остальное – извините-подвиньтесь. Я разбираюсь в прыжках на месте, а не в бизнесе.

– Этому можно научиться – я бы помогла. Может быть, кто-нибудь вложит свои деньги. У меня есть пятьсот долларов. Ими можно частично оплатить профессиональные консультации.

– Кажется, у меня есть страховка, – неуверенно сказала Лайза. – Но я вообще-то рассчитывала использовать ее для учебы в колледже и потом заняться преподаванием.

Мэгги поняла, что дело сдвинулось с места.

– Послушай, милая. В этом мире полно преподавателей, и они ни черта не знают, кроме того, о чем им рассказали другие. Что ответил этот художник, Брак, на вопрос о том, был ли у него талант, когда он обучался искусству? «Если и был, то мой преподаватель узнал бы об этом последним».

Лайза могла согласиться с этим. Оригинальное мышление в профессии преподавателя имеет тенденцию к истощению, как духовная пища на сходках Ку-Клукс-Клана. Однако преподавательская карьера надежна. Может быть, не так увлекательна, но гарантирует кусок хлеба на всю жизнь. У нее будут профессия, муж, возможно, двое-трое детей, и она сможет вносить выплаты по закладным. Это и есть американская мечта. Лайза инстинктивно содрогнулась. Она попыталась выразить свою дилемму словами:

– Преподавание – это так легко, Мэгги, так надежно. Тяжеленько отказаться от устойчивых доходов. Беда в том, что я знаю – это будет бегство от действительности. Насколько увлекательней взять жизнь за шкирку и встряхнуть ее, как на тренировке. Мне кажется, я всегда смогу вернуться к профессии преподавателя позднее… – Лайза запнулась. В жизни все совер-

шенно иначе, и она об этом знала. Как только ты сходишь с привычной лестницы, как тут же кто-то другой занимает твое место.

Появляются новые отличники, любимчики учителей, у которых нет подозрительных прогулов в расписании. А если попробуешь вновь забраться на нижнюю ступеньку, то получишь в морду сапогом, а то и чем-нибудь похуже. Так система вырабатывает послушных рабов, которые служат ей. Только выйдешь, как дверь захлопывается перед твоим лицом. Не рыпайся и живи по правилам, и тогда твои вены будут принимать все большее количество вызывающего привыкание наркотика надежности, причем каждая доза будет тщательно вымерена и мучительно растянута по времени. Чем больше получаешь – тем больше хочешь, чем выше лестница – тем круче с нее спрыгивать. Это ловушка, в которую с таким большим удовольствием попадают мистер и миссис Средние Американцы, – наркота, добровольно садящаяся на иглу привычки к комфорту. Эта мысль заставила Лайзу ужаснуться. В нежном семнадцатилетнем возрасте она и представления не имела, кем станет, но она знала, что в любом случае добьется феноменального успеха – в том или ином смысле. Сейчас ее честолюбие не находило точки применения и дожидалось повода, чтобы устроить бунт против обыденности; однако вечно это продолжаться не могло, и внутренне Лайза осознавала, что надо не просиживать штаны, а отдаться на волю инстинкта.

Мэгги облизнула последние крупинки сахара от пончиков на своих коротеньких пальцах. Ей ни в коем случае нельзя было есть пончики, не говоря уже о том; чтобы заказывать новую порцию. Она украдкой поймала взгляд официантки.

– О нет, Мэгги, нельзя – у тебя еще мало мускулов. Лайза рассмеялась своей роли жандарма. Жировым клеткам Мэгги было еще очень далеко до превращения в мышечный белок.

Мэгги не стала возражать. Не многие могли противиться Лайзе. Она обладала очарованием волшебницы из детских комиксов, какой-то мягкой силой, которой невозможно, да и не хочется сопротивляться. Мэгги часто пыталась анализировать эту особенность характера подруги, но потерпела фиаско, и в целом так и не могла найти ответ. Пришлось успокоиться на том, что дело здесь в мотивации. Просто Лайза желала людям добра.

– Э, Лайза, знаешь, я действительно загорелась этой мыслью о гимнастическом зале. Тебе, правда, надо решиться. Попробуй.

В ее воображении возникла волшебная палочка. Стоит Лайзе захотеть, и она своего добьется.

Пару секунд Лайза молчала. Обхватив подбородок обеими руками, она задумчиво смотрела на сидевшую напротив подругу.

Наконец она заговорила:

– Знаешь, Мэггс, наверное, я попробую. Только я хочу сказать одну вещь. Я, правда, благодарна тебе за предложение – ну, насчет пятисот долларов. Это действительно мило с твоей стороны, но если я берусь за дело, то делаю его одна. Может, я займу деньги в банке или воспользуюсь страховкой. Это будет чертовски рискованно, зато действительно здорово.

Мэгги не удержалась и вскрикнула от восторга. Отлично! У Лайзы получится, и, как всегда, она увлечет за собой и подругу. В больших карих глазах Мэгги между яркими пятнами щек, раскрасневшихся от возбуждения, появилось мечтательное выражение. Они – настоящие подруги. Конечно, это тривиально – девушка с роскошной внешностью и ее простенькая подружка. Однако надо смириться с тем, что в эти трудные времена, когда удача сопутствует, скорее, красивым, чем отважным, во всем мире девушкам по имени Мэгги приходится стоять на танцах у стеночки, смотреть и ждать, в то время как девушки по имени Лайза стремительно вращаются в пируэтах под безудержные звуки музыки. И Мэгги искренне не жалела об этом. Ее более чем устраивало жить на вторых ролях, – ощущая триумфы Лайзы как свои собственные и погружаясь в бездны отчаяния при ее неудачах. Так было всегда, насколько помнила Мэгги. С тех далеких дней в школьном дворике, где ее никогда не приходилось уговаривать поделиться

конфетами или игрушками с маленькой девочкой, которая была намного красивее, чем любая «александеровская» куколка; с тех времен, когда ее не задевало, что Лайза ходит в любимчиках у учительницы; с тех жарких и влажных дней в Уэст-Палм, когда она с такой гордостью гуляла с Лайзой по улицам и на мальчишечьи «але» высокомерно отвечала, что «им» неинтересно.

– О, Лайза, это же просто замечательно! Я просто уверена, что у тебя получится. У тебя все получится. К тебе уйдут все, и мне просто тошно думать о том, как ты впустую тратишь время в этом жутком классе.

От возбуждения Мэгги всплеснула руками. Затем выражение живейшей радости на ее лице затуманилось.

– Но ты ведь позволишь мне помочь тебе? Я не имею в виду деньги, раз тебе так не хочется, но во всех организационных вопросах. Мне не надо зарплаты. Во всяком случае, большой.

– Ну же, Мэгги. Это ведь твоя идея. Я без тебя, скорее всего, и не справлюсь. Без тебя я, скорее всего, не справлюсь ни с чем. И вообще нам надо довести до конца работу над твоим новым телом, сделать кое-какие завершающие штрихи.

И они обе рассмеялись.

У Мэгги было мало иллюзий относительно того, какое место она заняла бы на конкурсе красоты. Лицо – еще куда ни шло, и уж конечно, она не была настоящей уродиной, хотя чертам ее не хватало четкости, а бледная кожа по цвету мало отличалась от бежевой краски стен гимнастического зала. Нет, подводило ее именно тело, и «завершающими штрихами», о которых говорила Лайза, тут было не обойтись. Однако улучшение произошло резкое, и хотя Мэгги все еще не обрела форму, по крайней мере «формы» у нее уже появились. На первых порах увлечение Лайзы занятиями не вызывало восторга у Мэгги, и она являлась в гимнастический зал в ироническом настроении, высмеивая преклонение перед телом и презрительно подшучивая над почти что религиозной верой в необходимость физического совершенства, которую исповедовали участники занятий. Лайзе, как и всегда, удалось перетянуть ее на свою сторону. Она ни разу не осмеяла ее, перед чем не остановились бы многие другие «подружки» Мэгги. Вместо этого Лайза осторожно провела ее через агонию начальных уроков, и природная самоуверенность, которую Мэгги сохранила, несмотря на недостатки внешности, получила мощное подспорье в результате начавшегося буквально на глазах болезненного процесса преобразования тела.

Теперь у нее даже появился молодой человек – раньше у нее ухажеров не имелось.

– Обещаю тебе, Лайза. Ты в это не поверишь, но в один прекрасный день я стану первой в группе. Вот попомни.

– Знаешь, Мэгги, я рассчитываю на это. Мэгги улыбнулась. Когда такие вещи произносятся вслух, то в них верится легче. Раз Лайза убеждена, то, скорее всего, так оно и будет.

– Хорошо, Лайза. Давай сразу приступим к делу. Прежде всего необходимо помещение. На Клематисе сдается отличный зал. Я как раз на днях думала о том, как прекрасно он подошел бы для гимнастических занятий. Одному Богу известно, сколько за него просят. Чем ты собираешься сейчас заниматься, Лайза? Можно, я приду к тебе, и мы начнем разрабатывать планы? Лайза охладила кипучую энергию подруги.

– Боюсь, сегодня вечером не получится, Мэгги. Уилли Бой Уиллис обещал заглянуть к половине шестого, чтобы поговорить о былых днях. Ты же знаешь, каким он становится, когда начинает пить пиво.

Мэгги заметила, что Лайзу при этих словах охватила грусть. Плечи ее опустились, голос стал глуше, глаза внезапно затуманились. Мэгги знала, в чем тут дело, и протянула руку через стол, чтобы подбодрить подругу.

– О, Лайза, милая. Если бы я только могла тебе помочь. Ты ведь такая стойкая. Крепись.

И Мэгги увидела, как по прекрасному, но сейчас вдруг помрачневшему лицу покатилась огромная слеза.

* * *

Мешки под глазами у Уилли Бой были такими, что в них уместился бы весь мусор из бара, и когда ему случалось поздно вечером проходить мимо ящиков с отходами заведения «У Рокси», то такое вполне могло произойти. Заплывший жиром живот свисал у него над ремнем, словно некий непристойный фартук, а между пропотевшей тенниской и поясом столь же неопрятных джинсов на пару дюймов выпирала нездоровая кожа. В рыжей его бороде явно что-то водилось, и обследования, которые время от времени он производил там своими тупыми пальцами с ногтями в трауре, похоже, подтверждали эти тревожные догадки.

Однако Лайза не видела того, что видели в Уилли Бой Уиллисе другие, и не ощущала тех его запахов, которые ощущали другие. Для нее Уилли Бой был повлекшей мечтой, горько-сладкой прогулкой по воспоминаниям, пропуском в прошлое, где все было так прекрасно и по-другому.

– Да, Лайза, крошка, я помню тот случай, когда твой старик и твой дед устроили в баре арм-рестлинг. Помню его, как вчера. В тот вечер никто не хотел ставить на победителя. Понимаешь, они ругались и орали друг на друга, словно заклятые враги, но так же точно, как то, что я сейчас стою тут перед тобою, я не видел, чтобы кто-нибудь любил друг друга больше, чем эти двое мужчин.

Лайза знала это. Мать всегда притворялась, будто ее бесит дружба отца с мужем, однако в душе эта дружба доставляла ей удовольствие.

– И что же произошло, Уилли Бой?

Усевшись на потертый диван, Лайза поджала под себя длинные ноги и пристально, с напряженным вниманием уставилась в лицо гостя.

Уилли Бой наигранно рыгнул. Жизнь, проведенная за стойкой бара «У Рокси», научила его рассказывать истории. Весь фокус был в том, чтобы говорить столько времени, сколько могло хватить для внимания аудитории. Он жадно и долго пил пиво из банки, как бы задабривая недовольных божков своего желудка ценной ритуальной жертвой.

– Ну, я уверен, там речь шла о деньгах. Помнится, о больших деньгах. По крайней мере, о пятидесяти баксах – это настоящие деньги. А твой отец и говорит мне:

«Держи эти деньги, Уилли Бой, потому что старина Джек, такой гад, никогда не платит свои долги».

Лайза мысленно представляла эту сцену, слышала любимые голоса.

– И вот они начали. Вот что я тебе скажу, и не Ошибусь. Мне приходилось видеть арм-рестлинг – и большой, и маленький, и высокий, и низкий, – но такого соревнования, какое произошло в тот вечер в баре «У Рокси» между стариной Джеком Кентом и молодым Томми, мне видеть не доводилось никогда. Клянусь жизнью, что если бы в зале пукнул таракан, то мы бы его услышали.

Лайза ощутила напряжение в душном от испарений баре, где притихшие пьянчуги наблюдали за борьбой гигантов.

Уилли Бой отметил, что увлек аудиторию. Безо всяких усилий. Память у него была уже не та. Спиртное сделало свое дело, однако он знал ценность преувеличения.

– И можешь дать мне в ухо, если я вру, но клянусь, что этот поединок продолжался пятнадцать минут по часам, и за все это время я не видел ни капли пива ни на чьих губах – настолько борьба захватила всех, – а такого в часы работы «У Рокси» не случалось ни до, ни после того, это точно.

Лайза тоже находилась там. Болела за обе стороны. За отца, который любил ее, защищал ее, доставлял ей самые счастливые минуты в жизни; и за деда, который веселил и пугал ее, который олицетворял собой и радость, и опасность, и приключение.

– Знаешь, когда рука старины Джека все-таки рухнула на эту стойку, раздались такие вопли радости, какие услышишь разве что на собачьих бегах. И радовались все за обоих, это точно.

Уилли Бой тяжело опустился на стул и потянулся к награде за свой рассказ – банке «бада». Выходить на манеж ради «жидкого ужина» ему случалось не раз. Он слишком крепко сжал банку, и струя смешанного со слюной пива потекла у него изо рта по руке на некогда голубые джинсы.

– А как Джек принял поражение?

Уилли Бой рассмеялся.

– О, Лайза. Его же победил Томми. Бесплатно скажу тебе вот что. Старина Джек был крутой мужик. Настоящий громила. Я видел, как он делал в этом баре из ребят отбивную только за то, что ему не понравились их лица. Он и меня пару раз отодрал. Но Томми Старр мог открутить Джеку яйца, и тот все равно бы любил его. Вот какая у них была дружба.

Некоторое время Уилли Бой молчал, как бы взвешивая целесообразность последующего сообщения.

– После этого Джек хотел упиться в доску, но Томми не хотел ничего, кроме как вернуться к твоей матери. Я никогда не видел, чтобы мужчина так любил девушку, как Томми любил Мэри Эллен. Никогда, правду говорю.

Он поднял глаза, чтобы выяснить, какой эффект произвели эти слова на Лайзу, но увидел, что она уже не с ним, что она ушла в мир собственных воспоминаний.

Ни один звук не вызывал у Лайзы такой уверенности в надежности окружающего ее мира, как скрип старого кресла-качалки, но существовал он как часть общей обстановки. Он прочно ассоциировался с другими ощущениями: теплыми и крепкими коленями матери, на которых, поджав ножки, сидела Лайза, вечерним дурманящим запахом цветущего жасмина, горько-сладостными жалобами исполнителя кантри по радио, мерцающим светом керосиновой лампы. Лайза была почти что на седьмом небе, когда сидела на материнских коленях на крыльце старого дома, и Мэри Эллен всегда рассказывала ей именно про рай. Пять бурно прожитых Лайзой Старр на этом свете лет не позволяли ей прочувствовать все тонкости рассказов матери, однако она безошибочно угадывала в них тихую страсть и помнила ее слова так, словно они были сказаны вчера. Вечер за вечером эти рассказы будоражили Лайзу, проникали в глубины ее сознания и наконец стали частью ее жизни; как иногда ей казалось – самой важной частью. Приятная обстановка, в которой происходили эти разговоры, сформировали у девочки мощные ассоциации, и постепенно, но непреклонно, ее сознание очистилось от всякой, ереси, которая могла выхолостить силу непреложных истин, изрекаемых матерью.

Лайза ни на секунду не забывала о смысле материнских слов. За мостом, в нескольких сотнях ярдов, существовал волшебный мир, населенный богами и полубогами, прекрасными, добрыми людьми, которые не могли совершить зла. Очаровательные, обладающие изысканными манерами, остроумные, утонченные и в высшей степени порядочные обитатели и временные жители Палм-Бич заселяли иную планету, их поведение и образ мыслей отличались от поведения и образа мыслей обычных смертных из Уэст-Палма. Они вели блестящую жизнь, полную музыки и танцев, учтивых бесед, культуры и совершенства, отстраненную от финансовой и моральной борьбы за выживание, которая кипела по другую сторону от прибрежного железнодорожного полотна. Сверкая глазами, с верой новообращенной, Мэри Эллен вновь и вновь рассказывала о роскошных банкетах, о хитроумном расположении цветов, о приездах и отъездах богачей и знаменитостей; а Лайза все это время удивленно слушала, и умиротворенная, и возбужденная живым голосом матери. У других детей, ее друзей и врагов по

сотням невзаправдашних уличных сражений, существовали Другие идолы – Человек – Летучая Мышь, Супермен, – Капитан Марвел, – однако для Лайзы все они были вымышленными героями, бесплотными призраками, готовыми растаять при соприкосновении с несравненной Палм-Бич реальностью какого-нибудь Стэнсфилда, Дьюка или Пулитцера. На свои наивные вопросы Лайза получала терпеливые, уверенные разъяснения.

– А почему мы не живем в Палм-Бич, мама?

– Такие, как мы, там не живут, золотко.

– Но почему?

– По рождению. Некоторые люди рождаются для такой жизни.

– Но ты же там когда-то жила, в доме у Стэнсфилдов.

– Да, но я там работала. Я там по-настоящему не жила.

После этого мать уносилась в мечты, глаза ее заволакивала пелена, и она осторожно говорила:

– Но в один прекрасный день, Лайза, если ты вырастешь очень красивой и очень доброй, как принцесса из сказки, кто знает, может быть, какой-нибудь принц возьмет тебя туда, за мост.

Плохо разбираясь в премудростях мира, Лайза, тем не менее, улавливала отсутствие логики в словах матери, однако этого было недостаточно, чтобы усомниться в справедливости ее слов, да девочка этого не хотела. Это было царство фантазии, мечтаний, белых рыцарей и стремительных пони, сверхчеловеческих возможностей и высшего разума, а Палм-Бич был таинственной вселенной, по которой скакали мифические существа и без конца совершали безрассудные подвиги. И Лайза навсегда сохранила в себе блистательную веру. Она мечтала о том, что в один прекрасный день сама станет частью этой жизни. Ее повезут туда в золотой карете под звуки марширующего оркестра, в раю ее встретит хор ангелов, и когда она во всей красе переедет по мосту на другую сторону, то туда вместе с ней перенесутся ее мать и семья. И тогда вся огромная благодарность семьи прольется на нее. Она, Лайза, превратит эту невероятную мечту в явь и будет вечно купаться в лучах любви и уважения за совершенный подвиг.

* * *

Твердый голос Уилли Боя вклинился в сознание Лайзы, прерывая грустные, сладкие воспоминания.

– Кажется, мы с тобой разминулись, Лайза.

– Да, я вспомнила маму, – слабо улыбнулась она.

– Да, что за женщина была! Второй такой красавицы я в нашем округе не видел. Да, у нее был шик – настоящий шик, – он был у твоей матери, Лайза. Томми повезло.

Они грустно посмотрели друг на друга. Оба знали, что сейчас произойдет. Оба желали этого. И каждый по-своему боялся.

Зачарованно, словно змея во власти заклинателя, Лайза наблюдала за развитием событий, не в силах остановить заведомо обреченную попытку изгнать духов, тщетное стремление заставить сгинуть призраки прошлого.

– Так я и не узнаю, как это случилось. Никогда себе не прощу того вечера.

Уилли Бой часто начинал именно так. Но Лайза-то знала. Знала до мельчайших подробностей – и хранила эту память денно и нощно всю жизнь. Томми и Джек. Пьяное возвращение домой. Ускользающие мысли, подогретое алкоголем воображение. Рука об руку, мужской запах, товарищество многолетних проверенных партнеров по пьянке. Старый дом, тихий, но хорошо освещенный. Хихиканье с настояниями неукоснительно соблюдать тишину. Скрипящие половицы, спотыкающиеся шаги, притупившееся зрение. Кто по рассеянности опрокинул локтем керосиновую лампу, какой случайный шум заглушил звук ее падения – проехавшая машина? Паровозный гудок? Чья-то шутка, без которой можно было обойтись?

Пожар начался еще до того, как мужчины забрались под жаркие простыни; он набирал силу, пока приятели проваливались в пьяное оцепенение. Жадно набросившись на рассохшиеся от дневной жары бревна, подгоняемый капризным ночным бризом, огонь беспрепятственно предался дикой оргии разрушения. Лайза, спавшая беспокойно, услышала и почувствовала его первой. Распахнув настежь дверь, она ударилась о стену жара, оглушившую ее треском и шипением ревущих языков пламени. Ее спас только инстинкт. Лайза захлопнула дверь перед огнем и за несколько мгновений, которые подарило ей это интуитивное правильное действие, успела выбраться через окно спальни в спасительную темноту заднего двора.

Стоя там одна, в полном смятении чувств, едва соображая, что происходит, Лайза наблюдала, как пламя пожирает ее мирок. Между сном, пробуждением и явью пронеслись лишь несколько коротких секунд. Теперь ее охватил жуткий ужас. За оградой кричали соседи, и их тревожные крики проникали в полусонное сознание Лайзы.

Ее отец, мать и дед находились в гудящем огненном котле. Удалось ли им, как и ей, спастись? Или они уже исчезли – исчезли навечно, не оставив возможности даже для горестного прощания? Лайза подбежала к свирепому пламени, еще раз ощутила на своем лице его беспощадный жар, вдохнула удушающий запах дыма. Боль, которая обожгла ее неприкрытые, обнаженные соски, чудовищный, безымянный – ужас, который внушал пожар, заставили Лайзу отпрянуть назад. И тут она увидела тень.

Из самого центра бушующего огня, дергаясь точно лунатик, появился призрак.

Парализованной ужасом Лайзе потребовалось несколько секунд, чтобы понять, кто это. Это была ее мать, и она пылала. Мэри Эллен вырвалась из ада, однако ей не удалось спастись от него.

Лайза прыгнула вперед, как зачарованная глядя на пляшущие, рвущиеся языки пламени, которые скакали и вились вокруг обнаженной плоти матери. Ноздри Лайзы пронзило зловоние горящей кожи тела, которое подарило ей жизнь и теперь на ее глазах корчилось в огне. Сердце Лайзы застонало от ужаса.

Ослепленная огнем, Мэри Эллен проковыляла к Лайзе, и сквозь ее обожженные губы просочился сухой, опаленный крик боли и страха. Пытаясь обрести спасение, которого ей не суждено было найти, Мэри Эллен делала руками странные, молящие жесты, напоминающие движения ребенка, который с завязанными глазами 'играет в жмурки.

Не обращая внимания на огонь, Лайза бросилась в объятия Мэри Эллен, предлагая свое обнаженное тело как бальзам для смертоносных ран, как пищу для безжалостного огня взамен материнской плоти. Она грубо опрокинула. Мэри Эллен на землю и, распластав ее, накрыла собой, словно одеялом, в отчаянной попытке перекрыть к телу матери доступ кислорода, без которого пламя не может гореть. Она не чувствовала боли, когда огонь пытался перекинуться на нее, не думала об увечьях, которые могла нанести себе своим самопожертвованием. Она была животным, которым движет только сила инстинкта, сила любви.

Мать и дочь катались вместе по выжженной, редкой траве двора, стеная духовно и физически. Потом появились руки других людей, раздались другие голоса, последовал резкий шок от холодной воды, послышались приглушенные восклицания ужаса.

Поменявшись местами с матерью в отношениях, освященных временем, Лайза покачивала Мэри Эллен на своих руках; мать и дитя вцепились друг в друга, сопротивляясь рукам, которые пытались разъединить их. Лайза нежно вглядывалась в обезображенное лицо, красоту которого слизнул беспощадный огонь; сила пожара искорежила и истерзала родные черты. Бормоча слова ободрения и отчаянной надежды, Лайза гладила спаленные волосы, но чувствовала присутствие ангела смерти, который парил над ними, подлетая и вновь отлетая прочь, – и она понимала, что мать умирает.

И когда ощущение горя прорвалось сквозь захлестнувшие Лайзу волны страха и ярости, сквозь ток адреналина, толкавшего к действию, то хлынули слезы.

– О, мама, – рыдала Лайза, а большие соленые слезы наполняли ее глаза и струились по сухим щекам, равномерно капая на распухшую, потерявшую цвет и сочащуюся влагой кожу. – О, мам, останься со мной. Не уходи. Пожалуйста, останься.

Она обнимала умирающую мать, прижимала ее к своему сердцу, пытаясь слиться с нею, вдохнуть жизнь в смерть, отсрочить неизбежный уход в вечную пустоту. Узнать Мэри Эллен было невозможно, она была низведена до самой жалкой карикатуры на свою былую красоту, однако в ее изуродованном теле еще билось сердце, еще дышали легкие. Для Лайзы этого было достаточно, и она молила Бога не забирать дар жизни, без которого ничто невозможно, без которого нет никакого будущего.

Мэри Эллен попыталась пошевелить израненными губами, и Лайза склонилась, чтобы услышать произносимые сквозь боль слова. Она их никогда не забудет, всегда будет относиться к ним с уважением и пронесет их через жизнь, как талисман – волшебный амулет, который осветит ей путь вперед.

– Милая Лайза. Я так тебя люблю… так люблю.

– О, мам, я тоже люблю тебя. Я люблю тебя. Оставайся со мной. Оставайся со мной.

– Я пошла… в твою комнату. Но ты спаслась. Я так счастлива.

Ее голос звучал все слабее, но она снова заговорила:

– Лайза. Милая девочка. Все эти вечера, на крыльце. Помни, о чем я тебе рассказывала. Не сдавайся, как я. У тебя получится. Я знаю, что получится. Понимаешь, о чем я говорю. О, Лайза… прижмись ко мне.

– Не разговаривай, мам. Скоро сюда приедут врачи. Постарайся не говорить.

Теперь пучина горя окончательно поглотила Лайзу, и она зарыдала, почувствовав под своими руками, как дернулось исковерканное тело матери, цеплявшееся за ускользающую жизнь.

– Я помню, мамочка. Я все помню. Не умирай.

Мамочка, пожалуйста, не умирай.

Но, не внимая этой горячей мольбе, Мэри Эллен вогнула спину, и по телу ее пробежала судорога. И словно лист, гонимый ветром, в ее последнем вздохе прошелестело:

– Палм-Бич… Лайза… всего лишь только мост…

* * *

Было двенадцать часов дня, и солнце палило землю, вонзаясь лучами в пропеченный тротуар, как стрелами, сверкающими и дрожащими в неподвижном воздухе. Но Лайза и Мэгги отчего-то как бы не замечали этого и, сдвинув головы, вели напряженный разговор возле банка.

– Но что же ты собираешься сказать, Лайза? Ты же знаешь, это действительно ушлые ребята. Папа всегда говорит, что они дают в долг только тем, кто в деньгах не нуждается.

– Все будет нормально, Мэггс. Гимнастический зал у меня заработает. Я это знаю и заставлю этого типа тоже поверить. Мы договоримся. Вот посмотришь.

Вид у Мэгги был сомневающийся, однако, как всегда, самоуверенность Лайзы оказалась заразительной.

– У тебя есть все документы?

Лайза помахала скоросшивателем перед носом подружки и рассмеялась.

– Это все бутафория, Мэгги. Банкиры дают деньги людям, а не стопке бумаг. Как я выгляжу?

Теперь наступила очередь Мэгги смеяться. На ее взгляд, Лайза всегда выглядела прекрасно. Свободный, небесно-голубоватого цвета льняной жакет поверх белой тенниски. Длинные загорелые ноги, рвущиеся из-под короткой белой плиссированной хлопчатобумажной юбки, носки по щиколотку и парусиновые туфли на шнуровке. Но одежда была, по правде

говоря, не существенна, она лишь отвлекала от главного – от великолепного тела, которое наряд так неумело скрывал.

– Будем надеяться, что этот парень счастливо женат и является столпом церкви – в противном случае там на тебя будет совершено покушение.

– Ты о чем-то другом можешь подумать, Мэгги? Э, уже поздно. Я, пожалуй, пойду. Пожелай мне удачи.

По мере того как лифт поднимал Лайзу все выше, самоуверенность ее падала. Прошла неделя или две с тех пор, как она приняла решение, и с каждым прошедшим днем ее желание возрастало в геометрической прогрессии. Она намеревалась открыть гимнастический зал, успех которого в этом мире будет непревзойденным, – этакий центр физического совершенства, слух о котором распространится широко и далеко. Она создаст его, слепит его, воплотится в нем, а за это зал подарит ей то, чего она желает. Это будет ее пропуск через мост, ее посмертный подарок погибшей матери. Скоро боги и богини услышат о ней по всем небесным каналам связи, и как только эта новость перенесется через сверкающую гладь озера, молодые обитатели рая будут искать с ней встречи, дарить ей свои тела, чтобы она придавала им форму, ваяла их, тренировала. В знак признательности они позволят ей бывать среди них. Перед Лайзой стояло только одно препятствие. Банкир по имени Уайсс. Без денег она никуда не пробьется, не состоится, будет обречена на вечное прозябание.

Лайза не противилась мрачным мыслям, которые завладели ее рассудком. Она научилась этому фокусу. Чтобы добиться чего-то в жизни, нужно чертовски хотеть этого. В этом весь секрет. Если нет желания, то тебе кранты. А чтобы подогреть желание, необходимо подумать о последствиях неудачи, чем Лайза сейчас и занималась. К тому времени, как лифт приготовился выплюнуть Лайзу Старр на нужном этаже, она была полна железной решимости. Она добьется своего, чего бы ей это ни стоило. Уайсс выдаст ей ссуду, и ради этого она пойдет на все. Она победит всеми правдами и не правдами.

Назначая прием, секретарша с вытянутым лицом вела себя неприветливо, и с тех пор настроение ее, судя по всему, не изменилось. К счастью, ждать Лайзе не пришлось. Распахнув дверь в офис, секретарша коротко объявила:

– Мисс Лайза Старр, мистер Уайсс. Назначена к вам на двенадцать часов, – и провела Лайзу в помещение.

Уайсс, маленький и похожий на сову, вскочил на ноги при появлении Лайзы, и морщинистое лицо его осветилось мгновенно вспыхнувшим вожделением. Лайза буквально слышала, о чем он думал, когда радушно приветствовал ее, и ощутила его взгляд, скользнувший по приятным очертаниям ее тела, сладостно задержавшийся на полных губах, не стесненных лифчиком сосках и устремившийся жадно вниз, чтобы изучить сокровенную Мекку, лишь слегка закамуфлированную короткой юбкой.

– А, мисс Старр. – Коротенькие ручки раздвинулись в приветствии. – Прошу вас, садитесь.

Уайсс порхал над плечом Лайзы. Он не стал на самом деле пододвигать ей стул, словно бы не желая идти на такой раболепный шаг, несмотря на феноменальное физическое обаяние молодой посетительницы. Вместо того он согнул свое тело под углом от поясницы, склонился к Лайзе и принялся делать небольшие быстрые движения руками, как бы дирижируя сложным физическим процессом усаживания в роли кукловода, связанного невидимыми нитями с конечностями Лайзы. Маленький язычок выскочил у него, будто у ящерицы, и облизал сухие губы, в то время как беспокойные глазки бегали по наивысшей позиции скрещенных ног, где не справляющаяся со своим предназначением юбка, как могла, прикрывала конфетно-полосатые хлопчатобумажные трусики Лайзы Старр.

Уайсс неохотно ретировался за внушительный стол и занял позицию в высоком кресле, обитом темно-зеленой кожей. По мере отступления фантастических видений и возврата холод-

ной реальности сладострастная улыбка частично угасла. Черт. Джозеф Уайсс – Казанова, Дон-Жуан, дамский угодник – непоправимо превращался в шестидесятидвухлетнего старика Джо Уайсса с дурным запахом изо рта и плоскостопием.

Он уставился на стол, внимательно рассматривая почти что чистый лист бумаги.

– Ну-с, мисс Старр. Чем могу?

– Мистер Уайсс, мне очень нужна ссуда в двадцать тысяч долларов для того, чтобы открыть здесь, в Уэст-Палме, гимнастическую студию.

Все было сказано. Лайза обдумала все возможные начала, однако по природе своей предпочла самое прямое.

– У меня есть собственные двадцать тысяч долларов за страховку, и я их тоже вложу в это предприятие, – добавила Лайза.

– А-а, – одобрительно произнес Уайсс. Так-то лучше. Ей что-то нужно от него. Как правило, людям от него что-то нужно, и это весьма приятно. Ведь они порой готовы сделать что-то для него взамен. На этот счет у него имелся богатый опыт, а девушка так молода, так хороша.

Лайза немного подождала, однако Уайсс ничего не добавил к произнесенному загадочному звуку. Неужели ей надо начинать длинную речь – о ее рекомендациях, прогнозе ее доходов, об уже найденном помещении на Клематис-стрит? Чутье подсказывало Лайзе, что это не так. Она сидела как можно прямее и внимательно смотрела на банкира, отметив вновь загоревшийся в его беспокойных глазках похотливый огонек.

– Это очень большая сумма, мисс Старр, – наконец заметил он.

– Это будет выгодным вложением капитала для вашего банка, – с живостью отозвалась Лайза, желая продемонстрировать свою уверенность.

Уайсс пристально взглянул на нее. Хорошее вложение капитала для банка? Глупости. Для него самого, как для лица, дающего в долг деньги банка? Может быть.

Очень может быть. Он вперился взглядом в тугие соски, зажмурился и нервно сглотнул. Можно попробовать, однако тут полно мин. Один неверный шаг – и все сорвется.

– Возможно, вы посвятите меня в некоторые подробности вашего делового предложения?

Ему явно не удалось изобразить добродушие. Определенно прозвучала какая-то насмешка.

Лайза была готова к этому. Банкиры любят бумаги. Посмотреть на то, что можно показать другим. Она притащила с собой их целую кипу: характеристики, фотографии предполагаемого помещения, расчеты вероятных доходов. Она передала конверт банкиру, кое-что пояснив. Пару минут Уайсс просматривал бумаги.

Когда он поднял глаза, взгляд у него был хитрым.

– Это весьма впечатляет, Лайза. Вы позволите мне называть вас так? Но мне кажется, нет документов, удостоверяющих, что вы прошли подготовку по физической культуре. – Он помолчал долю секунды, прежде чем решиться на следующий шаг. – Хотя, я полагаю, можно утверждать, что ваша… э-э-э… великолепная физическая форма является тому доказательством.

Вновь скользкие глазки пробурили Лайзу, стрельнули по груди, нацелились на плоский живот и спустились еще ниже.

Лайза не смогла сдержаться и покраснела. Боже, он клеится к ней, как банный лист.

Она нервно рассмеялась и пошла в открытую.

– Боюсь, по разминке и аэробике дипломов не выдают, однако я, конечно же, могу принести характеристики с того места, где преподаю сейчас.

Произнося это, Лайза понимала, что Уайсс говорил совершенно о другом.

Раздался смущенный смех Уайсса.

– Нет, я уверен, что в этом плане проблем не будет. Я полагаю, что физическая сторона дела для вас вообще не может представлять трудности. Совершенно не может.

Он почувствовал, как внутри него закипает адреналин. Насколько сильно эта лисичка хочет заполучить свой спортзал? Потому что, если она действительно хочет, то у нее есть только одна возможность добиться своего. Только одна. Двадцать тысяч баксов за какую-то паршивую студию, которая лопнет через полгода? Это смешно. Но двадцать тысяч долларов, чтобы переспать с ней разок за счет банка – кто знает, может, и не один раз – это, вероятно, неплохая сделка. Такое случалось не в первый раз, и Уайсс страстно надеялся, что и не в последний. Что с того, что ссуда окажется неудачной и его репутация несколько подмокнет? Все имеют право на досадные ошибки. Его простят. Без сомнения. А девочка так молода и так аппетитна. Он воспользуется видоизмененной версией своей основной речи, – той, со ссылкой на неопытность клиентки.

– Лайза, буду с вами предельно откровенен. Боюсь, мой опыт подсказывает, что эта ссуда отнюдь не будет надежной. Есть несколько причин. Вы молоды, вы очень молоды, и вы полный новичок в бизнесе. И ваши упражнения в спортзале – хотя это сейчас и модно – еще не деньги в банке.

Уайсс радостно рассмеялся своей убогой шутке, отметив появившееся в прекрасных глазках разочарование. Весь фокус в том, чтобы растоптать ее в пыль, прежде чем начать собирать по кусочкам.

– Истина в том – я прошу прощения за свой пессимизм, – что, по моему мнению, ни один банк не даст вам такой ссуды. – Уайсс печально покачал головой и слегка прищелкнул языком. – Ни один, – добавил он без необходимости.

Лайза видела, как деньги ускользают от нее, и ее наполнил ужас. Она была так уверена, так уверена. Раньше ей было достаточно одного лишь желания – и оно моментально становилось билетом в нужном для нее направлении. Успех складывался из честолюбия и усилий. Сейчас впервые в жизни она была на грани краха. На ее пути стоял этот человек, Уайсс, он предрекал ей, причем вполне правдоподобно, что будут и другие уайссы, которые поступят так же, если она к ним сунется. Она прекрасно знала, что гимнастический зал будет пользоваться успехом, но как же, черт возьми, убедить в этом банкира? Он видел лишь ее неопытность и наивность.

Однако Лайза ошибалась. Уайсс, глазки которого возбужденно мигали под толстыми стеклами очков, видел гораздо больше. Он склонился к Лайзе, пребывающей В почти осязаемом огорчении, и бросил ей спасательный канат.

– Однако, – Уайсс повторил это слово, – однако я буду предельно честен и признаюсь, что вы мне нравитесь, Лайза. Вы мне очень нравитесь, и я восхищен… тем, что вы сделали, и тем, что вы намерены сделать.

Последовала пауза, полная тайного значения: Уайсс желал, чтобы Лайза осознала намек.

– Вероятно, я сумею помочь. Вероятно, мы вместе потрудимся над этим, – произнес он наконец.

Уайсс изобразил сальную улыбку. Пока что он ходит вокруг да около. Насколько яснее он может выразиться? Он ждал какого-либо поощрения с ее стороны. Дружелюбная улыбка Лайзы оставалась строго нейтральной, однако разум ее подал сигнал тревоги. Безотчетно, где-то на уровне подсознания, она уже поняла, что происходит. Некий атавистический инстинкт подсказал ей, что Уайсс задумал нечто, и это «нечто» – гнусное.

– Я полагаю, что, на мой взгляд, – пробормотал мистер Уайсс, – было бы замечательно, если бы мы, ну, что ли, поддерживали контакт – возможно, во внерабочее время, – пока вы пользуетесь нашей ссудой. Разумеется, если я решу дать делу ход.

Ну вот. Он высказался. Карты раскрыты. Ты спишь со мной за двадцать тысяч. Ясно, как Божий день.

Лайза следила за игрой и немедленно поняла, что он имеет в виду. Она не была удивлена, и это, в свою очередь, удивило ее. Глубокой душе взметнулся фонтан отвращения, однако, отвечая, Лайза сохранила непроницаемое лицо.

– Что ж, я, конечно, приветствовала бы отеческие наставления делового плана. Я была бы за них очень благодарна.

Лайза тут же пожалела о своем замечании. Она двигалась по канату, и отсутствие страховочной сетки было очевидным. Уайсс захотел попользоваться ею, а она более или менее ясно дала понять, что он – грязный старикашка, годящийся ей в дедушки. Двадцать тысяч, которые маячили секунду назад у нее перед носом, покачиваясь, уплыли прочь.

Уайсс неловко рассмеялся. Неужели она так наивна? Или она говорит «ни за что»?

– Я имею в виду, что, возможно, мы могли бы с вами время от времени сходить вместе поужинать – узнать друг друга поближе.

В его голосе зазвучали нотки безнадежности. Лайза понимала, что ей предстоит принять одно из самых важных решений в своей жизни, а подсказать, как следует поступить, некому. Имелись две возможности: либо продаться этому нелепому старикашке и получить необходимую сумму, либо отправляться с пустыми руками в учительницы. Стать шлюхой или респектабельной опорой общества. Палм-Бич или Миннеаполис. Риск или надежность. Она металась, страдая от нерешительности. Уайсс проговорил сквозь сжатые зубы:

– Что вы скажете?

Лайзе показалось, что она хранила абсолютное молчание целую вечность.

Мысли строчили у нее в голове пулеметными очередями. Загнав свой мерзкий отросток в ее прекрасное тело, он запачкает, осквернит ее, навечно завладеет ею, отняв у нее девственность. Но это ведь займет совсем немного времени, пройдет, забудется, будет стерто из памяти под могущественным воздействием воли, если плодом ее тяжелого испытания станет гладкий путь к победе и славе. Уважение к себе будет потеряно навек, если она продастся этому дьяволу ради того, что ей нужно. Однако торжественное обещание, данное погибшей матери, будет исполнено, и она приблизится к раю. «Всего лишь один мост… всего лишь только мост…» Глядя сквозь внезапно навернувшиеся слезы на своего потенциального мучителя, на своего потенциального спасителя, Лайза явственно почуяла запах паленой плоти. Кто он – дьявол или ангел?

Уайсс видел смятение в повлажневших глазах Лайзы, пока та боролась с собой. Наконец-то до нее дошло. Теперь от него ничего не зависело. Ему оставалось лишь ждать. В сладостном предвкушении он откинулся в кресле и принялся смаковать нараставшее в нем приятное чувство.

– Я, кажется, не вполне понимаю вас, – услышала Лайза свой голос.

Она оттягивала время, лихорадочно перебирая в уме все, что помогло бы ей принять решение.

– Думается, вы вполне понимаете меня, – быстро возразил Уайсс. Он не позволит ей сорваться с крючка.

Всеми правдами и не правдами. Лайза обещала это себе всего лишь несколько минут назад. Неужели все праведные пути исчерпаны? А если так, то как далеко она способна зайти на пути не праведном?

Словно живо заинтересованный наблюдатель следила Лайза за собственным мыслительным процессом, зачарованно ожидая, как же она поступит. Казалось, душа ее витала поблизости как пассивный зритель, пока она подобно лунатику, спотыкаясь, двигалась вперед.

Но когда Лайза решилась наконец заговорить, голос ее звучал решительно, и даже вызывающе.

– Мистер Уайсс, кажется, я понимаю, что вы имеете в виду. Вы имеете в виду, что одолжите мне деньги, если я пересплю с вами, и только, если я пересплю с вами.

Лайза помолчала. Когда она продолжила свою речь, голос ее прерывался.

– Что ж, вы должны знать, что я не хочу делать этого и считаю, что с вашей стороны очень дурно требовать этого и желать этого. Но деньги мне нужны – и нужны очень, потому что я очень много хочу от жизни. Поэтому, если вам так хочется, я вам отдамся, но при одном условии: здесь же, сейчас же, в эту самую минуту. А после этого вы дадите мне деньги. Все деньги – заверенным банковским чеком.

Медленно, очень медленно, вся внутренне пылая, Лайза поднялась с места.

На Джо Уайсса обрушилась мощная волна сознания вины, погасившая танцующее пламя страсти с той же легкостью, с какой торнадо задувает пламя свечи. Бушующие потоки очистительного стыда затопили его низменные желания. Возродился Джо Уайсс – отец своих детей, муж своей жены, сын своей матери. Он с трудом подыскивал слова, чтобы полнее выразить свое раскаяние. Лайза Старр стояла перед ним неподвижно, предлагая себя в качестве жертвы, – воплощение фантастической решимости и целеустремленности.

И тут сознание вины сменилось у Джо Уайсса иным чувством – восхищением, и совершенно неожиданно он впервые за весь день рассмеялся искренне.

Эта красивая семнадцатилетняя девочка обвела, победила, обыграла его, и Уайсс смеялся, потому что по какой-то странной причине он был вовсе не против такого исхода. В этом и должна заключаться суть истинного очарования. До этого момента он ни секунды не сомневался, что дело Лайзы имеет не больше шансов на успех, чем снежинка в адском пекле. И вот теперь он внезапно потерял свою уверенность. Кредитная деятельность научила его одному: деньги даются под людей, а не под идеи. Эта девушка была личностью, причем такой, которая способна внушить доверие любому, самому недоверчивому банкиру. Помимо того, что обладала прочими, более бросающимися в глаза достоинствами.

– Лайза Старр, – объявил Уайсс, – вы получите деньги, а от себя я вам бесплатно добавлю вот что: вы чертовски далеко пойдете.

За все свои шестьдесят два года Джо Уайсс никогда не был настолько прав.

* * *

Лицо Бобби Стэнсфилда отражалось в ручном зеркальце, и отражение ему нравилось. Флоридский загар, идеально ровный, словно подкрасил кожу в роскошный темно-коричневый цвет, оставив крошечные белые полоски лишь в едва наметившихся морщинках вокруг сияющих, смеющихся глаз. Имея долгую практику, Бобби произвел быстрый осмотр. Начал сверху. Песочного цвета волосы, блестящие, густые, пребывали в надлежащем порядке – этот строго выверенный хаос намекал на счастливое сочетание в Бобби мальчишеского и мужского начал, что так любили его избирательницы. Бобби помотал головой из стороны в сторону, позволив своевольной пряди соскользнуть на правый глаз, прежде чем отбросил полосы вновь назад, характерным нетерпеливым взмахом руки. Гармонию излишне совершенных в остальном черт лица нарушал притягательным диссонансом нос, аккуратно перебитый много лет назад доской во время серфинга. В ходе бесконечных политических и семейных дебатов Стэнсфилды решали вопрос о целесообразности пластической операции. Теперь, и много раз в прошлом, Бобби благодарил Бога, что вердикт был вынесен отрицательный. Этот нос был нужен ему. Он стал его торговой маркой, символом мужественности, доказательством того, что Бобби Стэнсфилд, несмотря на все прочие свидетельства обратного, очень далек от тщеславия. Рот? Когда закрыт – чуточку тонковат; подразумевается возможная холодность, если не жестокость. Когда открыт – невероятное, совершенное обрамление для белоснежных зубов безупречной формы. Подбородок гладкий и квадратный, без малейшей тени небритости – этого кратчайшего пути к потере голосов. Отлично. Он смотрится превосходно. Бобби дал лицу растянуться в самодовольной улыбке, и улыбка, изучив себя, отозвалась положительно.

– Как я выгляжу, Джимми?

– Они все уписаются, – хохотнул стоящий рядом с ним невысокий, приземистый человек.

Смех, тем не менее, не помешал Джимми Бейкеру окинуть зорким профессиональным взглядом реквизиты Стэнсфилда ниже воротника. Темно-синий галстук из рубчатого шелка в косую малиновую полоску; стандартный костюм от «Брукс бразерс» цвета морской волны и не слишком хорошего покроя во избежание ощущения совершенства, способного оттолкнуть аудиторию; черные мокасины от «Гуччи» из кожи, мягкой, как попка младенца. Все было на месте, и все сочеталось, на кандидате можно поставить крест за оплошность, не более гнусную, чем расстегнутая ширинка. В этой жизни расслабляться некогда.

Из-за кулис обоим мужчинам были видны сцена и трибуна. И, что более важно, они оба могли слышать и ощущать, как нарастает возбуждение в зале отеля. Безликое помещение, оформление которого было без затей скопировано с аэропортов и залов ожидания всего мира, вибрировало от жгучего нетерпения: три тысячи женщин и горстка мужчин готовились встретить своего избранника. Над сценой кто-то повесил плакат с надписью: «Человек, которого вы знаете».

На трибуне какой-то безымянный партийный поденщик набивал себе цену, купаясь в отраженных лучах славы главного героя дня.

– А теперь, дамы и господа, момент, которого мы все ждали. Я с огромным удовольствием представляю вам человека, который в представлениях не нуждается. Дамы и господа, человек, который – хотя сам он о себе этого не говорил – в один прекрасный день станет президентом вот этих самых Соединенных Штатов, сенатор Бобби Стэнсфилд!

При упоминании своего имени Бобби сделал глубокий вдох и бросился в море оваций, которыми взорвался зал.

Не смотря по сторонам, он пробрался сквозь ослепляющие лучи прожекторов и подошел к залитой светом трибуне. Теперь наконец он может наладить контакт с аудиторией, начать ритуальную встречу взаимного благоволения и братской любви, которая так важна и для него, и для них. Бобби протестующе улыбался, смиренно склонив голову, однако внутри него все ликовало. В ушах звучали медоточивые банальности представляющего его оратора. Он слышал подобные слова тысячу раз в тысяче жутких залов, но они никогда ему не приедались. Как и отец, Бобби впитывал каждое такое слово. Стэнсфилдам были не нужны ни пища, ни вода, ни витамины, как остальным. смертным; они заправлялись другим горючим. Им было необходимо признание, шумное признание, общественное признание. Не важно, что говорили люди, не важно, кто говорил. Фразы и высказывания были бессмысленны и несущественны. Главное заключалось в том, чтобы они были пусть неточным и незатейливым, но выражением безусловной любви.

Бобби устало поднял руку, как бы пытаясь остановить поток восторженного одобрения. Он не рассчитывал, что это сработает, и это не сработало. Аплодисменты лились рекой, перемежаясь теперь криками и визгом включившихся в привычный процесс женщин.

– Мы тебя любим, Бобби!

– Мы с тобой, Бобби! Навсегда! До самого Белого дома!

Мальчишеская улыбка нерешительно заиграла на его губах, безжалостно доводя до предельной точки показатель сексуального возбуждения аудитории. Быстрым движением головы Бобби сбросил свою прядь в предназначенную для нее позицию, чтобы тут же заботливой рукой откинуть ее обратно на место, и под бурю аплодисментов, вызванную этим жестом, посмотрел прямо в зал внезапно засверкавшими глазами, показывая, что их любовь докатилась до него, тронула его, что он принадлежит им. Бобби вновь поднял руку, чтобы остановить приливную волну преклонения, открыл и закрыл рот, как бы пытаясь заговорить. Еще раз улыбнулся. Рассмеялся. Бросил взгляд в сторону. Покачал головой.

Он разговаривал с ними, но без слов. На языке жестов это означало: я потрясен вашим приемом. Потрясен и глубоко тронут. Меня так никогда не приветствовали. Это впервые. Вы все особенные. Особенные люди. Особенные друзья. Вместе мы пойдем к славе. Вашей славе, моей славе.

Как раз в этот момент в дело вступают помощники. С обеих сторон сцены из-за кулис выскочили безупречно одетые молодые люди, жестами умоляющие аудиторию дать возможность перевести ритуал на следующий этап, этап, когда герой должен по-настоящему заговорить.

Бобби воспользовался последовавшей тишиной, как беззвучной скрипкой Страдивари. Долгое время он ничего не говорил. Напряжение нарастало. Наконец из задних рядов зала раздался одинокий голос женщины – толстой, светловолосой, на пятом десятке, – которая выражала всеобщие чувства.

– Я люблю вас, Бобби!

Теперь он осчастливил их своим смехом. Смех был короткий, глубокий, журчащий, предельно искренний и безумно обворожительный.

– Что ж, благодарю вас, мэм, – последовал великолепный ответ.

Слова были произнесены коротко, за исключением последнего, которое тянулось нескончаемо, словно ноги стриптизерши. Аристократ Старого света, джентльмен с южной плантации. Аромат времени Ретта Батлера.

Аудитория вновь зашлась в демонстрации коллективной любви. Какая находчивая! Воспитание. Блестящее остроумие. Он слопает русских мужиков на завтрак, кастрирует международных банкиров, заставит Фиделя Кастро проклинать свою мать за то, что родила его.

Когда смех и хлопки наконец утихли, Бобби как бы растерялся, занервничал, словно потерявшийся маленький мальчик, выброшенный в океан восторга аудитории. Он поправил и без того прямой галстук и крепко вцепился в трибуну жестом, который говорил, что ему потребуется вся что ни есть их помощь и поддержка. Переполненный зал забурлил материнскими инстинктами, вступившими в приятный альянс с сексуальными.

Голос зазвучал низко, намеренно сдержанно, оставляя широкое пространство для длительного путешествия к драматическому кульминационному пункту, когда Бобби заставит аудиторию захлебнуться в экзальтированной радости, после того как он выразит им свою любовь и покинет их.

– Дамы и господа, сегодня вы меня чрезвычайно обрадовали… теплотой своего приема. Я благодарю всех вас от глубины сердца.

Склонив голову, Бобби ощущал, как на них нисходит любовь, он чувствовал ее, был этой любовью, и сладостные слезы наворачивались на его сияющие глаза. Дальнейшие слова буквально вибрировали от искренности его эмоций.

– Когда приезжаешь в Саванну, то ожидаешь вежливого приема и хороших манер. Иногда мне кажется, что они были изобретены жителями Джорджии. Но сегодня вечером у меня такое чувство, будто я оказался среди близких друзей. И если вы позволите, то мне бы хотелось именно в таком духе говорить с вами.

И уже более решительным голосом он торжественно, как молитву, стал произносить знакомые слова:

– Величайшее преимущество друзей заключается в том, что с ними можно говорить свободно, потому что знаешь, что они сердцем разделяют твои ценности, что тебя здесь не поймут не правильно. Можно не соглашаться по пустякам, но в глубине души ты знаешь, что мы – на одной стороне. Я могу прямо сейчас назвать вам список тех истин, которые известны вам, мне. Очевидных истин, в которые мы страстно верим… но которые наши недруги отвергают.

Бобби обожал следующий пассаж. Он в определенном смысле был концентрированным выражением сущности самого Стэнсфилда. Сила его веры озаряла слова, и в ответ слова придавали силу чувствам.

– Мы верим в святость семьи… в величие нашей любимой страны. Мы верим в Бога и в христианскую мораль Библии. Мы верим в необходимость быть сильным, чтобы иметь возможность защищать свободу. Мы верим в индивидуума и в его неограниченное право добиваться лучшей жизни для себя и своих близких.

Бобби одно за другим нанизывал положения своей излюбленной программы, перемежая каждое взмахом вытянутой руки, подчеркивая каждое указующим перстом. Аудитория перед Бобби гудела от едва сдерживаемой страсти, изливая на проповедника энтузиазм новообращенных, – ведь он взывал к их самым глубинным убеждениям.

Сначала определить общие интересы, одинаковые взгляды. Затем выявить врага.

– Но вам и мне известно, что некоторые люди… свои же американцы… денно и нощно работают над тем, чтобы разрушить те институты и убеждения, которые так дороги нам. Это усомнившиеся, пессимисты, которые не упускают ни одной возможности, чтобы осмеять и оплевать наш патриотизм. Они с пренебрежением относятся к нашей армии, предпочитая видеть нас слабыми перед лицом внешней угрозы. Они стремятся изгнать религию из школ, разрешить уничтожение нерожденных невинных младенцев и повсюду поощряют извращения и порнографию во имя своих убеждений. Проповедуя веру и свободу, они денно и нощно стремятся отнять у нас право самим определять наше собственное будущее – постоянно усиливая правительство и безликую бюрократию, которыми они пытаются управлять сами. Но мы бдительны. Мы знаем об их честолюбивых планах. Нам известны планы Большого брата.

Гром аплодисментов заглушил последние слова. Воспользовавшись передышкой, Бобби поискал глазами за кулисами Джимми. Даже дикого восторга аудитории ему было мало. Ему хотелось и профессионального одобрения.

Джимми Бейкер тут же поймал его взгляд и поднял вверх два больших пальца. Если бы это было возможно, то он воспарил бы выше седьмого неба. Возможно, тут Сыграли роль коктейли с виски перед ужином, однако, в основном, ощущение подъема было вызвано тем, как эта публика принимала своего «кандидата». В какое-то блаженное мгновение, несколько ранее, он мельком прикидывал – а не смог ли бы Бобби Стэнсфилд продержаться всю двадцатиминутку, вообще ничего не говоря, за исключением того любезного ответа даме из зала. Выступление вошло бы в книги рекордов как речь «Что ж, благодарю вас, мэм». Теперь же мозг профессионального менеджера избирательной кампании занимался оценкой феноменальной способности Стэнсфилда набирать голоса избирателей.

Беспокойный взор Джимми обратился в конец зала, и выискал там группу Эн-би-си. Отлично. Они снимали встречу на пленку, обеспечив бессмертие тому трепетному возбуждению, которое мог генерировать его мальчик. Потребовались некоторые усилия, чтобы убедить компанию, что речь будет блистать остроумием, которое им необходимо осветить. Кажется, до них это дошло, и они прислали превосходного выездного продюсера.

Речь подходила к кульминационной точке, и эмоции увлеченной Бобби аудитории бурлили и разливались по всему залу. Это было виртуозное исполнение, и внезапно, со взрывом громоподобных аплодисментов, оно закончилось.

Бобби почти что сбежал с подиума. Он был весь в поту, получив избыточную дозу внимания.

– Отлично, Бобби. Просто отлично. Эн-би-си все отсняла. Я никогда не видел такой аудитории. Лучше, чем в Орландо.

Бобби уже успокоился. Устало он провел рукой по знаменитому лбу.

– Они поняли, Джим. Это – мои люди, – произнес он. – Куда едем завтра?

Глава 3

Сильные пытливые пальцы безжалостно вонзились в поясницу Джо Энн Дьюк, и поднявшиеся волны приятной боли толчками отозвались в ее мозгу, холодные, чистые, ободряющие, словно струя чистейшей натуральной кока-колы.

– О, Джейн, милая, какая ты сегодня сильная, – простонала она отчасти укоряющим, отчасти восхищенным тоном.

Гибкая, мускулистая массажистка не теряла ни секунды. Вся из бицепсов и трицепсов, она играла на лоснящемся, натертом маслом теле, как на музыкальном инструменте, мучая его, лаская, управляя им, и не замечала приятных страданий, которые доставляла этим. Тихим голосом, спокойно и уверенно она безостановочно поясняла:

– Сейчас мы занимаемся тем, что перемещаем ткани на новое место, это создает возможность для свободного перетекания энергии по телу. Мы реорганизуем ткани так, чтобы гравитация придавала телу новые силы, а не давила на него.

– Понятно, – пробормотала Джо Энн, купаясь в блаженстве. – Такое ощущение, будто я исполняю мазохистское танго.

Джейн не рассмеялась. Рольфинг – дело серьезное. Это – религия, предмет веры, образ жизни. Шутки тут просто не к месту.

В качестве орудия наказания Джо Энн за непозволительное легкомыслие и недостаточное уважение к великому доктору Аиде Рольф вместо безжалостных пальцев был избран правый локоть. Джейн тяжело навалилась на гладкую загорелую спину и угрюмо улыбнулась, когда вынудила Джо Энн впервые негромко пискнуть от боли.

– Все дело в сопряжении. Тело должно быть сопряжено с гравитацией. Мы это называем «заземлением». Как только биологическая система станет более устойчивой и упорядоченной, вы станете эмоциональней, свободней.

Психоаналитический треп был прерван вальяжным аристократическим голосом:

– Ты сама не веришь в этот бред.

Питер Дьюк был сыт по горло. Одно дело наблюдать, как твою жену массирует возле бассейна на открытом воздухе длинноногая девица с фантастическим задом, но С какой стати он должен терпеть при этом какой-то словесный понос?

Питер погремел кубиками льда в высоком бокале и стал мрачно потягивать розовый пунш, дожидаясь реакции на свое замечание.

Джейн раздраженно откинула длинные до плеч волосы, но промолчала. Она потянулась за флаконом увлажняющего крема и щедро наложила его на прекрасную спину Джо Энн.

Со стороны распластанной фигуры Джо Энн лениво-протяжно донеслось:

– О, Питер, почему все, что тебе непонятно, надо называть бредом? Неужели нельзя сказать: ерунда, или чушь, или как-нибудь еще?

Джо Энн была настроена поскандалить. Скандалы освежали воздух, как предвечерние грозы – летнюю невыносимую жару в Палм-Бич. А после этого они иногда предавались любви – зло, жадно терзая тела друг друга, мучаясь вместе. Теперь они, пожалуй, иначе заниматься любовью и не умели.

– Это бред, потому что он бесконечный и потому что он вонючий. Вот почему.

Питер встал. Будучи избалованным ребенком, он хотел, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним. Повернувшись на каблуках, он исчез в тени лабиринтов огромного дома. Напоследок он, как стрелу из лука, послал им через плечо едкое замечание:

– Уж лучше бы вы, две лесбиянки, перестали кудахтать и просто перешли к делу. – Чего вам еще надо?

Пока женщины переваривали ядовитый вопрос Питера Дьюка, тишину на побережье озера нарушало только приглушенное журчание фильтра в бассейне. Пару минут и та, и другая молча прикидывали, как использовать эту реплику в собственных интересах.

– Не обращай на него внимания. У него сегодня отвратительное настроение.

Джо Энн как бы извинялась в знак женской солидарности против мужчин вообще и Питера в частности. Джейн была лишь рада поддержать ее. Она убрала локоть, который внес такую панику в позвонки Джо Энн, и ладонями обеих рук скользнула вверх и вниз по ее прекрасно вылепленной спине, выполняя прием шведского массажа. Оставаясь сидеть возле крепких обнаженных ягодиц, Джейн склонилась вперед, провела своими сильными руками по спине вверх, сжала прямые плечи Джо Энн, снова провела руками вниз до конца позвоночника и слегка задержалась на идеально круглых ягодицах.

– Он как будто несколько агрессивен, – согласилась она. – Но меня это не беспокоит. Я постоянно такое выслушиваю.

Джейн продолжала мучительно долго, медленно водить руками по спине, оставляя две полоски масла на податливой загорелой коже.

Джо Энн застонала от удовольствия.

Характер массажа незаметно изменился. Пальцы больше не казались агрессивными, упорными, жестокими. Теперь они двигались причудливо, смело, по-новому, и благодарный отклик Джо Энн как бы просил продолжить такой массаж.

Джейн вняла просьбе.

– Вы не перегрелись? – заботливо поинтересовалась она, и голос ее на ветерке, насыщенном запахом сандалового дерева, прозвучал тепло и с любовью.

– Нет. Мне хорошо. Просто… хорошо. Джо Энн растягивала слова, испытывая блаженное чувство. Так ей нравилось больше всего. Массаж под открытым солнцем доставлял огромное удовольствие, так как ультрафиолетовые лучи, смешиваясь с инфракрасными, развязывали все мускульные узлы, и напряжение спадало. Прежде чем испариться в небытие под сильными руками Джейн, крошечные капельки пота упорно пытались прорваться сквозь тонкую пленку масла, покрывавшегося все тело Джо Энн.

Иногда длинные мягкие волосы Джейн водопадом ниспадали на гладкую горячую кожу Джо Энн, терзая двусмысленными намеками ее трепещущее сознание.

Джо Энн непрерывно двигалась в такт массажу, в совершенной гармонии с умелыми руками, которые работали над ее телом. В такие минуты ей казалось, что она пребывает в раю, и она позволяла себе мысленно унестись прочь и подобно свободному и ничем не связанному орлу воспарить над своей жизнью, которая раскинулась там, внизу, словно некий экзотический персидский ковер.

На унылых улицах жестокого города жизнь была очень нелегка. Обычно на память приходила температура, а не город. В Нью-Йорке всегда либо слишком жарко, либо слишком холодно. Во время безжалостной зимы замерзает все, и даже неунывающие тараканы замедляют свой бег. В паровом котле лета обессиленное и вялое тело превращается в губку и требует утоления ненасытного стремления к влаге только для того, чтобы тут же выделить ее наружу. Денег на еду вечно не хватает, однако руки у Джо Энн были проворные, и ей всегда удавалось найти средства, чтобы поддержать свое ошеломительно красивое тело, которое, как она каким-то образом догадалась еще в раннем возрасте, станет ее спасением.

Так оно и получилось. Разумеется, первым оказался отчим. Пьяный и возбужденный, он взял Джо Энн грубо, прижав к стене гостиной. Одной из величайших загадок в ее жизни стало то, что она так и не испытала нравственных страданий, которыми, по всеобщему мнению, должно сопровождаться это предположительно травмирующее событие. Джо Энн даже сейчас отчетливо помнила всю сцену. На входе было немножко больно, однако не до такой степени, как предупреждали ее другие двадцатилетние девочки с улицы. Потом, уже внутри, это стало

похоже на легкое почесывание – немного приятно, но не до отпада. Труднее всего было с плохо державшимся на ногах отчимом, которому ни поза, ни алкоголь не пошли на пользу; Джо Энн помнила, как она тайком поддерживала его и при этом старательно выдавливала из себя слезы и протесты, как того требовала, по ее разумению, ситуация. Наибольшее отвращение во всем этом деле вызывали тошнотворные пары зловонного дыхания, которые окутывали Джо Энн; особо удалась сцена, когда вошла мать и обнаружила их. После этого отчим больше не пытал удачи. Недели две Джо Энн была несколько разочарована. Неужели она в чем-то оказалась непритягательной? Неужели ему было совсем неприятно с ней?

Затем все это позабылось. Жизнь в гетто не позволяет такой роскоши, как обсасывание чувствительных любительских драм. На первом месте стоит проблема выживания, а затем, в случае с Джо Энн, продвижение вперед. Здесь таилась еще одна загадка: откуда, черт побери, у нее появилось честолюбие? Разумеется, не от пьяного отчима, неряхи матери или двух старших братьев, которые забирались к ней в трусы в обмен на конфеты и парфюмерию, пока она наконец не рассталась со всей этой пестрой компанией в нежном четырнадцатилетнем возрасте.

Джо Энн потребовалось сделать до проституции всего лишь маленький шаг. Затем она прошла весь путь, с самых низов до самого верха. За тот короткий год скудного существования она делала все и чудесным образом умудрилась сохранить свои чувства непотревоженными, постоянно существуя на каком-то эмоциональном автопилоте. А подумать об этом, так ничего и не изменилось. Она жила теперь так же, как и тогда, и иногда размышляла, что это за штука такая, которую другие называют совестью. Уж ее-то этот вопрос никогда не тревожил.

Один торговец наркотиками свел Джо Энн с мадам из Верхнего Ист-Сайда, которая научила ее уму-разуму и подкормила, прежде чем определить на работу в высококлассную городскую систему девочек по вызову. Джо Энн была рождена для этой работы. Розовые грудки идеальной формы, торчавшие у пятнадцатилетней девчонки, заставляли бизнесменов терять голову в гостиничных номерах, и, поскольку процент Джо Энн в доходах неумолимо рос, она вскоре уже смогла диктовать свои условия в очаровательной однокомнатной студии на Мэдисон-авеню. Клиенты становились солидней, речи жесточе, члены мягче, вкусы изощреннее.

Примерно в это время, где-то между студией на Мэдисон-авеню и квартирой на Пятой авеню с окнами на парк, Джо Энн познала девочек. Виной тому был прежде всего какой-то член клуба «Ракета», по заказу которого Джо Энн впервые участвовала в двойном акте. Джо Энн нашла себя в мускусных, сладких запахах женского тела, шелковистой мягкости теплой плоти, нежной интимности женских рук. Покидая квартиру на Пирре, где впервые вкусила все это, она пригласила к себе ту стройную еврейскую девушку и в первый раз в своей жизни любила с самозабвенностью девственницы, которая умеет отдаваться не только телом, но и душой. Они были любовницами с Рейчел в течение двух лет. Днем они работали командой, зарабатывая деньги тем, чем ночью занимались друг с другом бесплатно; и Джо Энн хранила верность подруге.

Честолюбие, тем не менее, не дремало. Мир моделей был пропуском в иное общество. На моделях мужчины женились. Каждый вечер, видя в мириадах зеркал в отелях свое роскошное тело, которое продавалось за гроши, Джо Энн клялась, что в один прекрасный день сдаст его за миллион баксов. Сотня долларов, чтобы кончил какой-то пожилой развратник. Миллионы, чтобы потеснить косметику какой-нибудь мощной фирмы вроде «Эсте Лаудер» на магазинных полках.

Что ж, она добилась своего. Теперь поместье Эстер Лаудер на океанском побережье было отсюда на расстоянии ружейного выстрела.

Прорыв в мир моделей был вторым этапом. Джо Энн выжидала и шлифовала свой имидж. Она мудро тратила деньги на продуманные наряды, читала все, что могла, о правилах поведения и хороших манерах, рационально питалась, много спала, фанатически тренировалась, пока не стала выглядеть так же прекрасно, как те девочки, которые смотрели на нее с обложек

журналов «Вог» и «Космо». Остался лишь вопрос – «как?». Пропуском стала Полин Паркер. Являясь чем-то вроде законодателя мод в мире моделей, Полин Паркер совершенно бессовестно использовала свое служебное положение главы престижного агентства «Паркер», чтобы удовлетворять собственную страсть к красивым женщинам. Низенькая и коренастая, она не тянула и на «кол» по части привлекательности, однако во время собеседования, сидя за огромным письменным столом, она с изумлением почувствовала, что Джо Энн зажгла ее, как неоновую рекламу. Пресыщенная слишком широким выбором, Полин знала лишь немногих девочек, способных на такое. Она тут же внесла эту девушку с феноменальной внешностью в свой реестр, и в обмен на то, что Джо Энн бросила Рейчел и переехала жить к Паркер на правах любовницы, Полин организовала ее превращение в звезду.

Остальное было несложно. Лучшая модель знакомится с тем, кто ей нравится. Вопрос состоял лишь в том, как отделить овец от козлищ и не совершить какую-нибудь глупость, например, влюбиться в кого-нибудь или попасться на удочку какого-нибудь авантюриста.

Питер Дьюк был не авантюристом, а документально подтвержденным, полноправным представителем мира овец. Козлищ в семействе Дьюков не было со времен Тедди Дьюка, купившего лесной участок, под которым находилась значительная часть запасов луизианской нефти. Тошнотворно богатый, испорченный и своенравный, Питер Дьюк безнадежно влюбился в подружку Полин Паркер и после нескольких мгновенно пролетевших упоительных недель, во время которых Питеру открылся смысл сексуального экстаза, он сделал Джо Энн предложение.

Опасаясь чрезмерно въедливых расследований более бдительных родственников Питера Дьюка, Джо Энн сыграла на его самоуверенной непосредственности. Она вдохновила его на поездку в Доминиканскую Республику и на следующий день на пляже вышла за него замуж под страстные мелодии мексиканского народного ансамбля и поздравления двух армейских генералов, один из которых был обязан званием Мексиканскому заливу и Западной Европе, другой – ЦРУ. Пытливый палец, пробежав по гладкой спине, как бы проскочил место своего назначения. Он опрометчиво погрузился в ложбинку между двумя упругими ягодицами и многообещающе зашевелился на краю эрогенной зоны, резко прервав воспоминания Джо Энн и стремительно возвратив ее к действительности, которая внезапно стала более заманчивой.

Сквозь дымку грез о прошлом раздался голос Джейн:

– Кажется, вы ушли в себя.

Был ли в этом замечании оттенок упрека?

– Просто сны наяву. Я уже очнулась.

– Иногда рольфинг навевает воспоминания. Он как бы стимулирует их.

Тонкий намек на то, что обращение к прошлому Джо Энн может нуждаться в поддержке, был сделан наугад, но у Джейн сработала интуиция. Массаж учит атому. Познав тело, тебе остается совершить лишь один короткий шаг для того, чтобы познать находящуюся в нем душу.

Пальцы вновь превысили свои полномочия двусмысленным движением. Оплошность – но нечаянная или сознательная?

Джо Энн подыграла.

– М-м-м… Замечательно.

Теперь настала очередь Джейн пошевелить мозгами. «Что она делает? Чего хочет? Чего хочет миссис Дьюк?»

Массажистке стало чуть неприятно, когда клиентка забыла о ней. Джейн вызвала ее назад пальцами. Но почему она избрала именно этот метод, чтобы вернуть к себе внимание? Джейн работала с телами в Палм-Бич уже почти три года и вполне понимала, что от нее требуется. Массаж служил расслабляющей терапией, однако подспудно в нем жила искорка чувственности. Некоторые предпочитали не обращать на нее внимания, другие – нежно сохранять эту искорку в теплящемся состоянии, в то время как небольшое, но все же имеющее существенное значение число клиентов стремилось раздуть из искры пылающий костер, поддерживаемый и

старательно оберегаемый пальцами массажистки до тех пор, пока наружу не прорывались танцующие языки открытой сексуальности.

Крайне важно было не ошибиться. С некоторыми клиентами, но не всеми, Джейн была готова пойти до конца. Она приходила в дом Дьюков лишь второй раз, однако с чувством легкого возбуждения догадалась, что Джо Энн, вне сомнения, относится к последней категории. Дело было не в презрительном замечании ее супруга, даже не в восторженной ответной реакции на смелые движения ее рук. Были что-то еще. Что-то, не имеющее названия, но мгновенно угадываемое. Возбуждающая аура женщины, которая любит женщин. Это было так же осязаемо и привлекательно, как теплый, насыщенный ароматами воздух.

– А ваш муж любит воображать, как женщины занимаются этим друг с другом? Знаете, многим мужчинам ведь это нравится.

Отчего-то пауза, возникшая после замечания Питера Дьюка, казалась несущественной.

Джо Энн поняла. Из первых рук. Замечательно. Джейн становится податливой. Джо Энн откровенно изогнулась от удовольствия, которое ей доставило прикосновение, и рассмеялась. Скоро можно заняться этим в открытую.

С одной стороны, вопрос Джейн был не важен. Суть ответа ее на самом деле не занимала, речь шла просто о продолжении обсуждения темы. Это был старейший трюк. Размышления и разговоры на эту тему часто становятся прелюдией к действию. Однако Джо Энн вопрос заинтересовал. Что нужно ее мужу?

На первых порах в Нью-Йорке он казался таким откровенным. Тогда он был «бедным маленьким богатым мальчиком». Загорелый и обворожительный, достаточно молодой и свежий, как выпускник частной школы, обожающий водку, влюбленный в жизнь, упрямо вжимающий до отказа в пол педаль акселератора. Подобно всем представителям своего класса, он был ленив, испорчен, любил мать и насмерть бился с отцом, точной копией которого являлся. Короче, Питер Дьюк был типичен, и Джо Энн провела специальное исследование той категории, к которой он относился. Она знала о нем все – начиная с его латентной гомосексуальности и кончая его отвращением к мужчинам, которые носят белую обувь и драгоценности. В то время ему просто нравилось сношаться, однако он не знал секретов этого дела и никогда не пытался им заниматься, будучи хотя бы в относительно трезвом состоянии. Джо Энн удалось организовать для него ускоренный курс обучения, и Питер прошел его.

Пока Джо Энн не добилась свидетельства о браке и гарантий средств к существованию, она играла честно. Оскорблять щепетильного аристократа – дело рискованное. Позднее, когда игрушка утратила новизну и замаячила отвратительная морда скуки, – проклятия того класса, к которому принадлежал Дьюк, – Джо Энн начала импровизировать. В те дни ему, несомненно, нравилось наблюдать за ней с девочками, да и воображать тоже ничего было не надо, – это происходило в самой что ни на есть реальности. Но теперь? Трудно сказать.

Одно было точно. Он больше не любил ее. В последние год-два они лишь ссорились. Только в этих случаях они занимались сексом, пару раз – с небольшими элементами насилия.

В нынешней ситуации это вполне устраивало Джо Энн. Она никогда не верила в такие буржуазные идеи, как благолепие брака, и в ее реальной жизни рыцари на белых конях имели обыкновение превращаться в надутых жаб, а то и хуже того. Нет, Питер Дьюк уже сделал свое дело, за которое Джо Энн будет благодарна ему по гроб. Он женился на ней. Она стала одной из Дьюков. Разве что-то иное имело значение? А Дьюки богаты. Богаты всерьез и, конечно же, надолго. Они уже давно не ограничивались одной нефтью, и теперь их деньги находились повсюду, они были вплетены в самое тело Америки: в техасские земельные владения, в подвижные составы, в долгосрочные казначейские векселя, в манхэттенские офисные здания. Одной лишь своей долей в «Дженерал моторе» Дьюки могли бы покрыть дефицит какой-нибудь средних размеров банановой республики, а поместье в Палм-Бич, протянувшееся от океана до озера в южной части острова ниже Уэст-авеню, должно было стоить миллионов десять. Непло-

хой домашний очаг, который можно будет отхватить, если дело дойдет до развода. Не то чтобы Джо Энн подумывала о разводе. Откуда взять нового Питера Дьюка? Американцев, еще более богатых, можно пересчитать по пальцам, а речь могла идти только о таких, они, главным образом, и требуются.

Поэтому Джо Энн блюла осторожность. В обществе Палм-Бич, где Дьюки имели солидный вес, заигрываться нельзя – по крайней мере, с мужчинами. Лишь только одна мысль недопустима для американского аристократа – что его жена спит с другим. Европейцы этого предрассудка не разделяют. Там тщательно скрываемый от посторонних молодой любовник часто более чем приемлем. Он снимает напряжение с тех мужей, у которых ослабли как плоть, так и желание.

Поэтому, если хочешь оставаться в Палм-Бич поближе к настоящим деньгам, то лучше не связывайся с тренерами по теннису. Меньшую опасность представляют люди твоего же круга: по тому принципу, что общность интересов – те же кровные узы, и мужчина, которому радостно одалживаются клюшки для гольфа, вероятно, может быть прощен за то, что брал на прокат жену. Тем не менее, если на кон поставлены миллионы долларов, лучше не рисковать. Но тут остается проблема: что же делать с бушующими гормонами, с потребностью, невероятную силу которой нельзя подавить, загнать в подсознание или вычеркнуть из списка желаний?

Джо Энн нашла решение – как раз то, которое ей всегда так нравилось. Женщины. Теперь в упоительной среде благотворительных балов Палм-Бич, в учтивой, блистательной атмосфере купально-теннисного клуба, в изысканно убранных салонах и спальнях сверкающих океанических яхт она удовлетворяла свои тайные желания. Скучающие, не имеющие постоянных занятий, заброшенные своими мужьями и не смеющие рисковать браком, который гетеросексуальный роман мог поставить под угрозу, дамы богатейшей на свете общины поддавались чарам Джо Энн.

Знал ли об этом Питер? Джо Энн часто думала об этом. Если так, то он, вероятно, более чем готов смотреть на это дело сквозь пальцы. Возможно, как предположила массажистка, он по-прежнему косвенно испытывает возбуждение, воображая ее с другими девочками. Конечно же, его последнее замечание содержало намек на нечто подобное. Ну и пусть. Он одобрил ее своим молчанием. Ей дан зеленый свет. Остальное неважно.

Впрочем, есть еще кое-что.

В наэлектризованных кончиках пальцев Джо Энн ощутила преждевременные признаки паники. Трение от плавающих, дрейфующих вверх и вниз по ее спине движений утратило теперь интенсивность и было обращено, скорее, к коже Джо Энн, а не к крепким мускулам. Ногти слегка касались ее, а центр работы неумолимо смещался все ниже, при этом пальцы осмелели, томно бродили по великолепным выпирающим ягодицам, изредка с силой вдавливая таз Джо Энн в черную кожу массажного стола.

Не спеша, уверенно реагируя на новый смысл, который вкладывался в контакт, Джо Энн приподнимала свой крепкий крестец навстречу зовущим рукам Джейн. Наконец оба тела заговорили друг с другом открыто. Продолжать беседу не было нужды.

Это должно было случиться.

Все разрушил почтительный голос негра.

– Мистер Дьюк велел передать, что вы опаздываете на вечер.

Слуга в белом кителе сообщил об этом совершенно бесстрастно, стоя возле головы своей хозяйки и как бы не замечая ее наготы.

Захваченная врасплох в головокружительный момент сексуального возбуждения, Джо Энн выругалась вслух. Тщательно возведенное здание страсти рухнуло, и все пространство, освободившееся от страсти, мгновенно заполнила злость.

«Да пошли они все! Питер, Джейн, черные слуги, весь мир!»

Проворно извернувшись, Джо Энн соскользнула со столика, выхватила белый махровый халат с вышитой монограммой из рук слуги и направилась в дом. Даже не улыбнувшись, она бросила через плечо:

– Как-нибудь в другой раз, Джейн. Ладно?

* * *

Холодный каррарский мрамор под ногами несколько остудил внезапно впавшую в бешенство Джо Энн. Здесь было прохладно, сюда не допускалось ослепительное солнце, а воздух циркулировал под воздействием восьми огромных потолочных вентиляторов. Во всем замечательном доме больше всего Джо Энн нравилась эта комната: глубокие, удобные диваны, столы из полуторадюймового стекла, огромные вазы с белыми гардениями – белое и различные оттенки бежевого, – спасаемые от однообразия ошеломительными красками полотен на стенах. Джексон Поллок, Ротко, де Кунинг – лучшие работы великих абстрактных экспрессионистов, отобранные лично Джо Энн из знаменитой коллекции Дьюков в Хьюстоне. Директор любого музея в мире с радостью пожертвовал бы своими яйцами, чтобы обладать десятой долей этих сокровищ. Хранитель коллекции в Хьюстоне был в слезах, когда Джо Энн с линованным блокнотом в руке, проводя отбор, двигалась по комнатам с высокими потолками и кондиционированным воздухом. Джо Энн безошибочно указала на наиболее значимые полотна – те, которым не найдешь замены ни за какие деньги, – и теперь результаты этой экспедиции окружали ее повсюду, существуя исключительно для ее личного потребления, навечно спрятанные от назойливых взоров техасской публики.

Апатично погрузившись в уютный диван, Джо Энн вытянулась в блаженном самодовольстве, словно изящная кошка. Как далеко отсюда до улиц ее юности, где было голодно и душно. Вся западная стена комнаты была оборудована автоматически раздвигающимися дверями, панелями из дымчатого стекла, защищающими от вездесущего солнца. Они были раздвинуты посередине, и в поле зрения Джо Энн попадали шестидесятифутовый бассейн с индивидуальной кабинкой для переодевания, ярко-зеленые газоны, ровные, словно сукно на бильярдном столе, чувственно-округлые бронзовые скульптуры Генри Мора, разбросанные по траве, как гладкая галька, причудливо усеявшая вымытый морем пляж. Возле бассейна сердито складывала свой столик Джейн, будто араб-кочевник, собирающий свой шатер, перед тем как тронуться в путь; изящный изгиб ее спины напоминал линию на рисунках Модильяни.

Джо Энн удовлетворенно вздохнула. Прекрасно, все прекрасно. Полотна, тело Джейн, ландшафт, жизнь, которой она добилась. Никто у нее не отнимет всего этого. Ни единая живая душа. И уж определенно, ни единая душа, которая не погибнет во время своей попытки. В этом Джо Энн поклялась себе. Нет, проблема, если она вообще стоит, заключается в том, куда отсюда деться.

Торчать среди того, чем ты обладаешь, столь же увлекательно, как выслушивать мнение мужа о возможном курсе процентных ставок. Ну, разумеется, Джо Энн пыталась время от времени вносить элемент опасности в ход событий, но по сравнению с игрой на выживание в Нью-Йорке, это был самый невинный вариант игры в мячик.

Самой увлекательной игрой в Палм-Бич было восхождение по общественной лестнице. По крайней мере, в этой игре людям бывало больно. Здесь кровь не хлестала в открытую, однако она заменялась количеством и качеством их слез. В течение долгих свободных дней Джо Энн выучила правила этой игры и теперь была в ней непревзойденной специалисткой. Фокус состоял в том, чтобы задницей и сапогом бить в морду тем, кто стоит на ступень ниже. Тем, кто стоит на несколько ступеней ниже, можно оказать поддержку, постоянно стремясь при этом сбросить вниз тех, кто домогается твоего собственного места. Как только достигаешь своей цели, бывшие союзники сами становятся заклятыми врагами, изо всех сил пытаясь столкнуть

тебя со ступеньки. Чем выше забираешься, тем труднее, тем желаннее становится продвижение вверх. В этом плане игра в восхождение напоминала реальную жизнь. Питер и Джо Энн Дьюки, разумеется, уже находились в разреженной стратосфере, когда по наущению Джо Энн вступили в игру.

Между тем, как только ты вступаешь в соревнование, приходится бороться напористо, лихо, бесстрашно, прибегая к хитрости, грязным приемам, растрачивать огромные суммы денег, не считаться с моральными и финансовыми издержками до тех пор, пока не достигнешь вершины. На вершине, выше небес, над крысиными гонками, справа от всемогущего Господа сидит Марджори Дюпон Донахью. Королева Палм-Бич. Та, кем хотела бы быть Джо Энн.

Джо Энн глубоко вздохнула и прижала к себе халат. Какая-то дряхлая развалина с варикозными венами, похожими на рельефную карту Европы, и с умом самки черного паука, Марджори Донахью – крысиная шкура с состоянием, по сравнению с которым даже Дьюки кажутся мелкой рыбешкой; выдубленная кожа да кости; но оброненное Марджори походя замечание может разрезать пополам неудачливого светского скалолаза.

Никто не знал, почему она стала королевой. Никто не знал, как она оказалась на этом месте. Однако все участники игры понимали, что она королева, и единственная королева, и все при дворе выражали ей свое почтение. Они вспоминали о Марджори Донахью, едва просыпаясь по утрам, и видели ее славный лик перед тем, как отправиться спать вечером. В период между темнотой и рассветом она им снилась: снились ее приглашения на ужин, подаваемые на серебряном подносе, снился ее трескучий голос по радиотелефону, снилось шершавое прикосновение ее морщинистой руки.

Невероятно, но Джо Энн сама попалась в сети паучихи. Игра уже больше не была вздором. Напротив, она захватывала целиком. Как рыба, плавающая в водах Палм-Бич, человек прекращал замечать реальность прочего мира. Джо Энн была более чем счастлива попасть в этот круг, но только до тех пор, пока она была охотником, а не загнанным зверем, пока ее зубы острее, хватка смертельнее, чем у других обитателей аквариума. До сих пор так оно и было.

Сегодня вечером состоится еще один раунд. Викторианский пикник, посвященный регулируемому деторождению. При мысли об этом Джо Энн даже не пыталась сдержать улыбку. Благотворительные танцы сами по себе смешны, но чтобы еще и «регулирование рождаемости»? Джо Энн подумала, что ей следовало бы стать в своем роде членом-основателем этого мероприятия. У проституток есть два табу: беременность и сифилис. И то, и другое уменьшает возможности заработка, а это – самый страшный грех. Джо Энн передернулась от мысли о том, сколько мужчин попробовали ее, – тысяча, две тысячи? – но ни одному не удалось ее обрюхатить. Вот уж воистину «регулирование рождаемости». За «регулирование рождаемости» ей полагалась бы медаль. Может, подготовить специальное обращение? «Дамы и господа. Позвольте мне слово. Джо Энн Дьюк трахалась, не забеременев, больше раз, чем вы ели горячие ужины. Общество регулирования рождаемости хотело бы публично признать ее заслуги путем…»

От этой дикой мысли Джо Энн громко расхохоталась. Черт, вот это был бы фейерверк. Столько лет она прилагала усилия, чтобы похоронить свое прошлое, и ей это полностью удалось. Не осталось ни малейшего шепотка. Ни единой сплетни не упало на благодатную почву, где взрастали виноградные лозы Палм-Бич, и Джо Энн молила, чтобы так все и оставалось. Она не могла не считать, что теперь ей уже ничего не угрожает. Наиболее сильными ее приобретениями были фамилия Дьюк и дружба Донахью. С такими двумя талисманами девушка может без боязни войти во врата самого ада.

Джо Энн умиротворенно посмотрела на волшебного де Кунинга. Почему так улыбается девушка с большими грудями, стоя возле своего велосипеда? Вид у нее страшно довольный. Наверно, только что дала банковскому управляющему, а на вырученные деньги купила велосипед. Ничтожные заботы, ничтожные мысли, рассеянно подумала Джо Энн. А какой велосипед

у нее? Сверкающая, в сто двадцать футов яхта неограниченного морского плавания постройки Джона Банненберга, покачивающаяся на водах озера Лейк-Уэрт по другую сторону двенадцатифутовой живой изгороди из фикусов? Небесно-голубого цвета реактивный самолет «Лир», томящийся под солнцем в авиационном комплексе Беннет возле Уэст-Палмского международного аэропорта? Или, может быть, сам очаровательный муж, шесть футов пятидесятилетних мускулов и породы с капелькой крови в наполненных водкой венах?

Во всяком случае, дело здесь не в недостатке секса. Не секрет, что он трахается со всем, что шевелится, и даже, по мнению Джо Энн, с одной или двумя старухами, которым уже трудно пошевелиться. Однако тут проблем никогда не было. Это порой раздражало, но не представляло проблемы проблем. Черт с ним. Ей надо выпить, если она собирается дотянуть до конца вечера.

Джо Энн почти не повысила голос. И, уж конечно, не думала поворачиваться. Слуга должен быть на месте. Желательно Цезарь. Он как будто разбирается в каипарино.

– Сделайте мне каипарино.

Через пару минут бокал был в ее руках. Иногда Джо Энн предпочитала каипарино с текилой, однако сегодня обрадовалась, почувствовав, что в коктейль добавлен белый ром. Она сделала большой глоток горько-сладкой жидкости, в которой среди кубиков льда теснились ярко-зеленые кружочки лайма. Бразильцы называют его крестьянской девушкой. Что ж, ей по вкусу крестьянские девушки, бразильские и прочие. Джо Энн сделала глубокий вдох, приободрилась, почувствовав, как тепло крепкого напитка начало разливаться по пустому желудку, после чего поднялась и пошла к мраморной лестнице.

* * *

В спальне на втором этаже от яростных красок абстрактных экспрессионистов остались лишь волнующие воспоминания. Здесь господствовали умиротворяющие пастельные тона – мягкий Ренуар, спокойный Мане, расслабляющий Писсарро. Основное место в комнате занимала огромная кровать с четырьмя столбиками по углам, размеры которой, сопосоставимые с футбольным полем, позволяли заниматься на ней экзотической акробатикой или практически полностью изолироваться от соседа по постели. Последнее время чаще происходило второе.

Джо Энн огляделась. Питер был где-то тут, поблизости. В гардеробной? На пятидесятифутовой веранде с видом на Лейк-Уэрт и континент?

Послышался щелчок опущенной телефонной трубки.

– Ну наконец-то. Давно пора. Машины подъедут в полседьмого. Какой еще массаж в это время! – донесся через окно злой, агрессивный голос.

– Да пошел ты, Питер. Отцепись от меня. Кого вообще черт понесет на этот дурацкий вечер раньше восьми? Я могу обойтись без катания на карусели и гадалок. Чтобы узнать свою судьбу, мне достаточно вызвать бухгалтера.

Джо Энн прошла сквозь открытые двери на балкон. Питер был уже одет. Стандартный для Палм-Бич вечерний костюм. Двубортный блейзер цвета морской волны «Килгор, Френч энд Стэнбери», клубные пуговицы «Эверглейдс», небесно-голубой с белым галстук в крапинку от «Тернбулл энд Эссер» из Лондона, мокасины от «Гуччи», надетые без носков, темно-серые шерстяные брюки с идеальной стрелкой. Загорелое лицо, набриолиненные волосы, слегка седеющие на висках, и слабый, почти неуловимый аромат изысканнейшего одеколона довершали картину безукоризненного аристократизма.

Выглядел он отлично. Скучно лишь то, что под крышей музея Флэглера соберутся двести идентичных ему фотороботов. В Палм-Бич не допускались отклонения в сфере моды, и люди в обществе подвергались гонениям даже за такие мелкие проступки, как ношение белой обуви или сорочек из синтетических тканей.

– Веришь ты мне или нет, но я тоже не любитель каруселей; однако мы едем на встречу с Марджори и Стэнсфилдом, и мы обещали прибыть в семь. Я, конечно, понимаю, что с молоком матери ты не всосала привычку выполнять обещания. Меня же воспитали так, что я держу свое слово.

Ублюдок, подумала Джо Энн. Это удар ниже пояса. Не похоже на Питера – попрекать ее происхождением.

Явно что-то произошло.

Тем не менее, обмен оскорблениями был для нее чем-то вроде профессии. Уж это она точно впитала с молоком матери. Джо Энн закусила удила.

– Честно говоря, меня удивляет, что у тебя хватает наглости ссылаться на свою мать. Все говорят, что старая потаскуха почти не помнила, как тебя зовут, и что тебя отдали на воспитание этим английским нянькам. От нее ты мог научиться только пьянству.

Питер застыл, как вкопанный. С побелевшими костяшками пальцев, прилившей к лицу кровью, он задрожал от ярости и ненависти.

У Джо Энн мелькнула мысль, что она зашла слишком далеко. Прибегая к старинной арабской уловке – оскорблять мать врага, – следует всегда рассчитывать на бурную реакцию, однако такой она не ожидала.

– Ты шлюха, – наконец выговорил он, выплевывая слова сквозь стиснутые зубы. – Я уничтожу тебя за это. Слышишь меня? Уничтожу тебя.

Голос его поднялся до крещендо и даже задребезжал от сотрясающего Питера чувства ярости.

– Чтоб ты никогда не смела упоминать о моей матери. Ты меня слышишь? Ты меня слышишь?

«И я, и весь Палм-Бич», – подумала Джо Энн. – О, ну почему ты вечно ведешь себя, как ребенок, Питер, – в явном отчаянии громко произнесла Джо Энн, поворачиваясь и уходя обратно в спальню.

Джо Энн хохотала, не в силах остановиться. Как и положено, появились слезы, и все тело затряслось от бесконтрольного веселья. Но самое смешное состояло в том, что шутка Марджори была совершенно не смешной. Марджори Донахью уже давно перестала настораживать фальшь. Она имела дело с этой валютой столь долго, что даже утеряла способность определять истинность вещей. Главным для нее была – власть. Если люди не смеются над ее похабными анекдотами, то это не означает, что им недостает чувства юмора, – оно тут ни при чем. Это свидетельство того, что власть ее убывает, что придворные вот-вот готовы совершить какой-то насильственный дворцовый переворот. Поэтому она отметила смех Джо Энн и зафиксировала эту информацию в том древнем, но по-прежнему потрясающе продуктивном банке данных, который представлял ее мозг. На Джо Энн можно рассчитывать. Джо Энн преданна. Джо Энн будет по-прежнему в фаворе. Враги Джо Энн будут ее врагами.

– О, Марджори. Ну почему я так не умею шутить? – между приступами хохота выдавила из себя Джо Энн.

Марджори Донахью приосанилась, в то время как прочих сидевших вокруг стола гостей мысленно чуть не стошнило. Все они тоже посмеялись над шуткой королевы, однако никому из них не захотелось или не удалось сделать это столь убедительно, чтобы превзойти Джо Энн. Все они совершали роковую ошибку, недооценивая тщеславие удачливой личности. Одна лишь Джо Энн. понимала, что в искусстве лести ничто не ценится так, как ее переизбыток. Только люди, добившиеся лишь относительного успеха в жизни, прикидываются, будто не терпят лизоблюдов. Настоящим победителям их всегда не хватает.

Стол, за которым сидели Дьюки, был, разумеется, наивысшим помостом для лучших собак, и участники помельче вытягивали шеи, стараясь рассмотреть, что там происходит, и определить тех, кто вырвался вперед, по их присутствию среди всемогущих. Джо Энн гордо

посматривала через плечо на ревностно задираемые головы и, демонстрируя на публике свои таланты в сфере светского восхождения, кому-то выкрикивала приветствия, кого-то холодно порицала. Ее охватывало пьянящее чувство при виде сотни завистливых глаз. И не простых глаз. Речь шла не о простодушном, безусловном восхищении зевак какой-нибудь киноактрисой. Это были отборные глаза. Они принадлежали Вандербильтам и Фордам; вылощенным итальянским графам сомнительного происхождения; неизбежным англичанам, бедным, как церковные мыши, но исключительно хорошо одетым и словно губку выжимающим любого в обмен на пару учтивых фраз; свирепым французам, постоянно раздраженным тем, что никто не может или не желает говорить на их полумертвом языке. Каждый из них отдал бы все, что имеет, за возможность сидеть там, где сидит Джо Энн.

Марджори Донахью подозрительно осмотрела присутствующих за столом придворных – примерно также, как укротитель львов в клетке на арене.

– Мне нравятся похабные шутки, – произнесла она, ни к кому конкретно не обращаясь. – Они вносят некоторое разнообразие в разговоры о деньгах и слугах, хотя иногда эти темы бывают даже грубее.

Джо Энн громко захохотала.

– Вы правы, Марджори. Послушали бы вы Питера с его процентными ставками. Это просто отвратительно.

Она сделала гримасу, из которой можно было заключить, что вообще любая тема, обсуждаемая ее мужем, просто отвратительна.

Питер бросил на нее через стол злобный взгляд.

– Что ж, дорогой, если уж приходится говорить о деньгах, то я бы хотела послушать, что скажет сенатор о бюджетном дефиците.

Марджори демонстративно подавила звонок. За этим столом и в этом городе хозяйка она, и ей хотелось, чтобы об этом знали все. Если для этого надо немного уколоть могущественного сенатора, то так тому и быть.

Бобби ничуть не возражал. Его самоуверенность была непоколебима.

– Забавно, что вы заговорили об этом, Марджори. Голос Бобби Стэнсфилда был спокоен, и в нем угадывалась холодная усмешка.

– Знаете, если бы вы объединились с Джо Энн и сделали бы небольшой взнос из ваших личных фондов, то, мне кажется, мы смогли бы решить проблему дефицита прямо здесь.

Замечательно. Ведь все они богаты. Богаты, красивы и удачливы. Взаимное восхищение преуспевающих людей зримо витало в воздухе, непринужденно сливаясь с ароматом пятидесяти белых гардений, которые плавали в вазе из ирландского уотерфордского стекла, стоявшей посреди стола.

Бобби повернулся к Джо Энн.

– Не хотите потанцевать?

– Отчего же, благодарю, сенатор. Джо Энн подражала певучим интонациям красавиц с Юга.

Бобби через стол улыбнулся Питеру Дьюку. – Не возражаете, если я уведу на время вашу жену? Могу ведь и не вернуть ее.

Питер Дьюк присоединился к общему смеху, однако внутренне он вовсе не веселился. «Забери эту падлу. Это как раз то, чего ты и заслуживаешь, самодовольный, высокомерный, надутый ублюдок», – хотелось сказать ему. Дьюков и Стэнсфилдов традиционно связывала несколько тягостная дружба. По большинству параметров у них было много общего – старинные аристократические фамилии, поддерживающие республиканцев и проживающие в Палм-Бич, с огромными состояниями и общими предрассудками. Тем не менее, две проблемы неизменно осложняли отношения между ними. Во-первых, Дьюки были несравненно богаче Стэнсфилдов. Во-вторых, Стэнсфилды были намного, намного удачливей Дьюков.

В результате оба семейства не знали покоя. Дьюки завидовали власти Стэнсфилдов и тому вниманию, которым они пользовались благодаря этой власти. Мстя Стэнсфилдам, они обвиняли их в заурядности, недостатке аристократизма, заигрывании с прессой, чрезмерной суетливости мещан, которые не умеют себя вести. Стэнсфилды завидовали феноменальному богатству Дьюков и их общенациональной репутации утонченных покровителей искусств. Чтобы уравнять шансы, они обвиняли Дьюков в том, что те – эгоцентричные лоботрясы, что им наплевать на свою страну, что они много пьют и мало работают и чересчур мнят о себе только лишь на том основании, что их предок угодил в лужу луизианской нефти.

Как уже говорилось, семьи были слишком схожи, чтобы позволить себе враждовать открыто. Палм-Бич – городок маленький, В нем существовали другие враги, которым вендетта между Дьюками и Стэнсфилдами пошла бы только на пользу. Например, Тедди Кеннеди. Когда старый Стэнсфилд умер, его старший сын Бобби унаследовал хорошо смазанную политическую машину, а вскоре после этого – и место в сенате. Феноменально красивый Бобби являлся типичным продолжателем политической династии Стэнсфилдов; некоторые более осведомленные знатоки уже поговаривали насчет его претензий на президентство. Вполне вероятно, что в будущем его оппонентом от демократов мог бы стать сосед по бульвару Норт-Оушн Тедди Кеннеди, – если воспоминание о Чаппаквидике по прошествии времени и благодаря безупречной деятельности в сенате постепенно сотрется.

У любого истинного обитателя Палм-Бич, состоящего в клубе «Эверглейдс», тревожная перспектива появления второго президента Кеннеди не вызывала ничего, кроме неприкрытого ужаса. Кеннеди были членами демократической партии, а демократы – это социалисты, хуже которых, разумеется, только коммунисты. Для борьбы с Кеннеди необходимо было сплотить все силы. В результате, несмотря на то, что Питер Дьюк редко думал благосклонно о Бобби Стэнсфилде, он фактически финансировал кампанию его выборов в сенат. В свою очередь, Бобби не только с благодарностью принял его помощь, он не единожды хлопотал в Вашингтоне в пользу деловых интересов Дьюков, несмотря на свою личную неприязнь к Питеру Дьюку, – неприязнь, которая ни в коем случае не распространялась на его очаровательную жизнерадостную жену.

Бобби направлялся мимо тесно сидящих за столиками людей к танцплощадке. Это было королевское шествие. Все стремились привлечь к себе его внимание – тянулись руки, чтобы ухватить его за рукав безупречно сшитого смокинга, скрежетали в приветствиях скрипучие голоса светских матрон, залихватски шутили полчища друзей детства, языки которых были хорошо смазаны аперитивом. Бобби непринужденно скользил по волнам популярности, а восхищенная Джо Энн следовала в его кильватере. На каждое замечание у него находилась подходящая шутка, точно выверенная для конкретного случая, со строго дозированным содержанием серьезности или фривольности в зависимости от того, кому она предназначалась. За это короткое время, пока Бобби добрался до площадки, он успел наулыбаться и нахмуриться, очаровать и пофлиртовать, пообещать и заручиться обещанием. Не отрывая глаз от крепкой спины и широких плеч сенатора, Джо Энн восхищалась этим спектаклем. Бобби продемонстрировал талант прирожденного политического деятеля. Он никого не обидел, потешил чьё-то самолюбие, набрал голоса. На его месте Джо Энн не удержалась бы от соблазна доставить себе удовольствие, сделав больно другим. В этом и заключалась разница между профессионалом и любителем.

Возле танцевальной площадки Бобби повернулся к Джо Энн и взял ее за руки. Он улыбался тепло, но с долей иронии. Улыбка говорила, что Бобби увлечен Джо Энн и что ей скоро придется считаться с этим.

Джо Энн также ответила ему улыбкой. Общаться с мужчинами ей всегда было легко. В данном случае – приятно.

– Вы знаете, мы ведь впервые танцуем с вами, – прикинулся обиженным Бобби.

– Несомненно, не по причине вашей робости. Видит Бог, возможностей у вас было много. Иногда мне кажется, что в этом городе мы только и занимаемся тем, что танцуем.

– Что ж, как говорится – на балы ходят не танцевать. Туда идут подыскать жену, присмотреть за своей женой или приударить за чужой.

Произнося это, Бобби посмотрел прямо в глаза Джо Энн и уверенно закружил ее в общем потоке танцующих. На эстраде Джо Рене со своим оркестром, ветеранами тысяч балов в Палм-Бич, в энный раз сообщал Долли, что вид у нее – отличный.

– А вы как раз сейчас приударяете за чужой, Бобби?

Джо Энн стиснула сильную руку и придвинулась чуточку ближе, ощущая на себе взгляды окружающих. Флирт на танцевальной площадке в Палм-Бич допускался. Это была одна из причин, отчего в городе так много танцевали.

В ответ Бобби наклонился вперед и прошептал ей на ухо:

– Знаете, нам надо завести роман. Это был стиль Стэнсфилдов. В лоб. Не теряя времени. Дать почувствовать уверенность в себе.

– Я не обманываю мужа, – кокетливо рассмеялась Джо Энн, придвигаясь еще ближе.

– Надо же когда-то начинать.

– Только не мне. Нас разлучит только смерть.

– Возможно, мы могли бы это устроить. Они оба рассмеялись, и Бобби воодушевленно закружился по залу. Как Джо Рене, так и нескончаемая «Долли» звучали все громче.

«Видит Бог, ты весьма привлекателен, – думала Джо Энн. – Сказочная внешность. Чертовская известность. Мужчина с будущим, который знает, как заставить настоящее сверкать алмазным блеском. Но – нищий, по сравнению с Питером Дьюком». Обладая состоянием большим, чем то, на которое едва ли могло рассчитывать большинство американцем, Стэнсфилд, по меркам Палм-Бич, был финансовой шестеркой. Как жаль. Господь, в мудрости своей, сдал справедливо, и из-за этого Бобби Стэнсфилд не досчитался той самой главной карты в своей колоде. Вот почему он может рассчитывать лишь на легкий флирт, пока она является женой Питера Дьюка.

– Ладно, Бобби, прекратите растрачивать свое очарование на замужнюю женщину. Пойдемте покатаемся на карусели. Мне никак не удается затащить туда Питера. Его вытошнит, или произойдет что-нибудь еще более занудное.

Снаружи на территории музея Генри Моррисона Флэглера по случаю бала в пользу регулируемого деторождения были сооружены декорации ярмарки. На длинных высоких столах, покрытых белыми скатертями, стояли графины с ледяным мартини, рядом сидели гадалка и хиромант, и под ностальгические звуки старинного ярмарочного органа вздымались и опускались выкрашенные в красные и белые цвета лошадки сверкающей волшебной карусели. Среди пальм мелькали сливки городского общества, многие были одеты в костюмы викторианской эпохи, которой был посвящен пикник; на мужчинах были традиционные соломенные канотье, которые выдавались желающим по прибытии.

Джо Энн отказалась от карнавального платья принципиально, считая, что, в целом, современные женщины интереснее женщин викторианской эпохи. Платье из белоснежного крепового шелка от Энн Клайн, с разрезом с одной стороны от колена до икры, было украшено стеклярусом, который вспыхивал и переливался при каждом ее движении. Время от времени в разрезе интригующе сверкала длинная загорелая нога, а под прозрачным материалом угадывались остальные части тела, волнующие и соблазнительные. Джо Энн не надела драгоценностей, чтобы не потерялась очаровательная сексуальная простота платья. В этом платье она была почти что одинока. Вокруг нее сверкали и переливались столпы плутократии, однако Джо Энн, которая могла позволить себе любую из этих драгоценностей, и все сразу, ограничилась простыми серьгами с бриллиантами в один карат.

Оказавшись на карусели тесно прижатым к Джо Энн в деревянном седле, рассчитанным на одного человека, Бобби Стэнсфилд не сдавался. Стэнсфилды не сдаются никогда.

– Знаете, мы, холостяки, так страдаем от одиночества.

– А я слышала другое. Поговаривают, что на Норт-Энде по выходным бывает больше попок, чем сортов «Хайнца».

Одной из наиболее привлекательных черт Бобби Стэнсфилда был его смех. Он был задорный, раскованный, очаровательный и абсолютно искренний. Джо Энн ощутила, как в нее закрадывается тревога. Этот мужчина чуточку излишне привлекателен, а ставки высоки. Безопасней вернуться к столу.

Когда музыка смолкла, Джо Энн была непреклонна.

– Пойдемте, Бобби. Пора перекусить. Я готова сожрать лошадь. Мне так хочется есть.

Взяв Бобби за руку, Джо Энн повела его назад к шатру.

Среди блюд лошади не значилось, и Джо Энн пришлось помучиться с холодными закусками, включавшими шотландского лосося, приплывшего в тот день от Ди, лангустов из Мэна, креветок из Флоридского залива, разделанных крабов, нарезанного филе миног и поджаристого яблочного пирога. Подавались «Батар Монраше» 1973 года с моллюсками, раками и рыбой, освежающее «Шато Бейшвель» 1966 года с говядиной и «Дом Пераньон» 1971 года с пирогом.

Когда подали кофе, вечер оживился в самом широком смысле этого слова. Во время пикника люди за столиками держались более или менее вместе, они танцевали и разговаривали друг с другом. Теперь, когда благодаря выпитому общий настрой участников вечера стал более свободным, связи между гостями ослабли, и начала проявлять себя хорошо известная разновидность «столовых прилипал». Опытные люди считали этот момент наиболее опасным, но и самым многообещающим для того, чтобы предпринять взвешенные шажки в светском восхождении. Выпивка добавляла куража робким членам общества, однако и суждения становились менее осмотрительными, и пол под шатром положительно оказывался усеян скользкой банановой кожурой, опасной для неосторожных. На этом этапе «имущие» надменно ожидали, как «неимущие» начнут подходить, чтобы засвидетельствовать им свое почтение. В задачу парвеню, претендующих на вертикальное перемещение, входило обеспечить себе место за столом, где сидела социально возвышающаяся над ними группа. В план действий «лучших собак» входило как можно дальше отогнать назойливых, за исключением тех случаев, когда принималось решение демонстративно поддержать того или иного протеже в его восхождении по лестнице. Компания, где сидели Дьюки, являла собой горшок с медом, вокруг которого жужжали самые честолюбивые пчелы. Залогом этого всегда оставалась Марджори Донахью.

К моменту появления Элинор Пикок двое или трое неудачливых обитателей Палм-Бич уже получили условные команды «не задерживаться». Ситуация у Элинор была сложной. Являясь безусловным членом одного из стариннейших семейств города, она, тем не менее, никак не могла вполне добиться успеха в светских соревнованиях. Вечера у Элинор были скучны, а стол и икебана серенькими, им так же не хватало вдохновения, как хозяйке – положения. К тому же Пикоки не были богаты. У них было, разумеется, хорошее происхождение, они состояли во всех клубах, в которых положено состоять, однако дом их в Норт-Энде стоял не на морском побережье и не на озере, а летние поездки в Коннектикут длились несколько меньше, чем считалось желательным. К тому же Арч Пикок работал. Само по себе это еще не было катастрофой, но и не прибавляло очков в городе, где умным считался тот человек, который получил в наследство состояние, сколоченное до него, и присматривал за этим состоянием или, точнее, за людьми, которые присматривали за его состоянием.

Элинор Пикок раздражало то, что она не входила в число «лучших собак» Палм-Бич, и она расчесывала зудящее место до тех пор, пока оно не превратилось в воспаленную багровую рану, болезненно выставляемую на всеобщее обозрение. Иногда Элинор прикрывала эту язву

и становилась милой и беззаботной в борьбе за место под солнцем, которое, как она считала, по праву принадлежало ей. В другие моменты ее охватывала циничная, бурная агрессивность, во время которой желчь угрожающе изливалась на тех, кто, по мнению Элинор, безосновательно занимал ее место. Самый подходящей мишенью ей представлялась Джо Энн. Неясное происхождение и чересчур красивая внешность. Несколько раз Элинор устраивала на нее охоту, но Джо Энн всегда удавалось вывернуться из самых свирепых тисков.

Сегодня вечером, однако, Элинор Пикок полагала, что в ее руках оказалось совершенно особое средство поражения, и она собиралась максимально использовать его убойную силу. И Питер Дьюк, и – что еще более важно – Марджори Донахью смогут непосредственно наблюдать за тем, как она обрушит на Джо Энн огонь изо всех орудий, чтобы потопить ее навсегда.

В течение целого вечера, с жадностью глуша вино, Элинор Пикок смаковала свой будущий триумф, в котором была уверена. И вот в раздуваемом ветрами самоуверенности платье из белой тафты Элинор под полными парусами причалила к столику Дьюков, и все окружающие вытянули шеи, чтобы посмотреть, окажется ли она удачливее тех трех соискателей, которые уже Провалились.

Джо Энн заметила появление старинной неприятельницы и обратила внимание на покрасневшую кожу выше пышной, хотя и бесформенной груди и ниже довольно средненького алмазного ожерелья. Она носом почуяла беду. Являясь ветераном тысячи подобных стычек, Джо Энн стала выискивать себе союзника. Сегодня вечером от Питера никакой помощи ждать не приходилось. Он весь вечер бросал на нее злобные взгляды.

Нагнувшись над столом, Джо Энн положила руку на загрубелое предплечье Марджори и стала массировать морщинистую кожу.

– О, Марджори, я так рада, что вы приехали сегодня вечером. Я уже много недель так не смеялась – со времени Бала Сердце.

Тогда Марджори тоже сидела за их столиком.

– Привет всем. Вымученное дружелюбие приветствия Элинор Пикок подействовало на сидящих за столиком как огромная сырая волна. В ответ послышались приветствия, произносимые с различной степенью энтузиазма, но во всех случаях – с незначительной.

– Марджори, вы, как всегда, выглядите прекрасно, – обворожительно солгала Элинор.

Старая карга выглядела так, будто ее мучила какая-то смертельная болезнь.

Поднеся фитиль к орудию, Элинор подготовилась к атаке и угрожающе развернулась в сторону Джо Энн.

– О, Джо Энн, я и не заметила, что вы здесь, – солгала она. – Вы знаете, я на днях познакомилась в Нью-Йорке с совершенно исключительным человеком. Он сказал, что весьма хорошо знавал вас раньше.

Для всех присутствовавших за столом, за очевидным исключением Джо Энн, слова Элинор Пикок прозвучали совершенно безобидно. Это был стандартный гамбит столовой прилипалы. С помощью заявления об общем знакомом Элинор намеревалась втереться в доверие к людям, стоящим выше нее на общественной ступеньке. Большую тревогу могло вселить слово «исключительный», но никто не обратил на него внимания.

Однако Джо Энн словно ударило током. Она чертовски нервничала при любом упоминании о Нью-Йорке, а упоминание, сорвавшееся с губ Элинор Пикок, обладало особой значимостью. Только Джо Энн уловила жестокую улыбку и вселяющий ужас подтекст. Слово «знавал» несло в себе почти что библейский смысл, а слова «весьма хорошо» – означали действительно хорошо.

Впервые за многие годы Джо Энн Дьюк испытала чувство страха. Оно пронеслось по ее телу, как приливная волна, унося вес, вымывая все мысли, парализуя ее своей чудовищной силой. О Боже! Не сейчас. Не здесь. На глазах королевы. На глазах мужа. На глазах сенатора Стэнсфилда. Джо Энн почувствовала, как с лица ее сходит краска, и ощутила, как ее рука

медленно тянется к нетронутому бокалу с водой, как будто этим ненужным движением она доказывала себе, что по-прежнему обладает какой-то властью над своей судьбой. Пребывая в блаженном неведении о разыгравшейся драме, остальные сидящие за столом люди продолжали вести себя так, будто ничего не случилось. Элинор Пикок «терпели». Общий разговор не будет прерван до тех пор, пока.

Марджори Донахью не «отошьет» Элинор несколькими урезонивающими фразами. Это было что-то вроде незначительного раздражающего фактора, составляющего часть тяжкого бремени пребывания в высшем эшелоне общества.

Джо Энн вновь собралась с мыслями и отчаянно пыталась привести их в порядок в те миллисекунды, которые остались до катастрофы. Что известно этой ужасной женщине? Сколько и насколько подробно? И если ей известно все, скажет ли она об этом сейчас?

И обо всем?

– О, в самом деле? – услышала Джо Энн свой голос.

Произнося это, она видела решимость в глазах Пикок, слегка осоловелых от белого бургундского и кларета. О Боже. Вот оно. Ее сейчас разоблачат.

– Да, это было действительно интересно. Это был благотворительный бал в пользу полицейского управления Нью-Йорка, и я оказалась сидящей рядом с этим типом по фамилии Крамп…

Крамп. Крамп. Крамп. Имя пронеслось в мозгу Джо Энн словно неразорвавшаяся мина. Жирный и мерзкий. Крамп, жестокий и мстительный. Крамп, который трахал ее в обмен на свое молчание. Лейтенант Крамп из отдела по борьбе с преступлениями против нравственности. Расправив крылья памяти, Джо Энн, словно орлица, парила над грязными полями своего прошлого, и под ней, как крыса в сточной трубе, шнырял Лео Крамп. Крамп отводил от нее обвинения в нарушении нравственности, предупреждал об облавах на торговцев наркотиками, защищал от вспыльчивых сутенеров и буйных клиентов. Однако он предъявлял ужасный счет. В обмен он требовал и получал в качестве платы ее тело, и даже теперь, на вершинах Палм-Бич, Джо Энн ощущала на своей коже его зловонное, пропитанное алкоголем дыхание, грубое прикосновение его щетинистой щеки, жуткую тяжесть его коротенького, приземистого тела, когда он взбирался на нее. Когда в ее жизни появился Питер Дьюк, Джо Энн отбросила Крампа, как использованный презерватив, и он почти наверняка не простил ей этого. Теперь его страшные щупальцы тянулись к Джо Энн из могилы прошлого.

Она очутилась на краю гибели. До этой секунды она была вне подозрений. Хороший друг из Нью-Йорка по имени Крамп. Милый старина Лео. Надеюсь, вы передали ему от меня привет. Никакого отношения к водопроводчикам из Палм-Бич с той же фамилией он не имеет. Ха! Ха! Не видела его уже целую вечность. Часто вспоминаю его забавные польские шутки. Однако через несколько секунд кот будет вынут из мешка, и труд целой жизни пойдет ему под хвост.

Она должна выиграть время, призвать союзников, напомнить о себе должникам.

Нащупав нервной рукой бокал с водой, Джо Энн сдвинула его к краю стола и с грохотом опрокинула на пол. Одновременно Джо Энн повернулась к Марджори и выражением лица передала ей свои чувства. Ни одна актриса не получала «Оскара» за игру, лучшую, чем та, которую сейчас продемонстрировала Джо Энн. В ее глазах было все: страх, беззащитность, мольба о помощи. Она побелела, как простыня, губы ее дрожали, а левая рука вцепилась в костлявое плечо единственного существа, которое могло ее спасти.

Марджори Донахью все увидела и взвесила в своем древнем мозгу. Джо Энн оказалась в смертельной опасности. И угроза исходила от Элинор Пикок. Это прояснилось сразу. Но что это за угроза? Определить ее было невозможно. Она и не слушала Элинор как следует.

Таких, как Элинор, никогда не слушают. Что-то насчет Нью-Йорка. Какой-то общий друг? Рука, которая держала ее, и искаженное лицо просили сделать что-то сейчас же. Просили ее немедленного вмешательства. Но почему? Что следует сказать? Ясно, что времени на

размышление нет. Марджори надо было положиться на свой светский инстинкт, он ее редко подводил. Джо Энн была другом. Она смеялась над ее шутками; она экстравагантно льстила ей. Чего еще можно желать в ее возрасте и в се положении? А вот Элинор Пикок никогда не была пресмыкающейся придворной дамой. Далеко не будучи врагом, она находилась за миллион миль от внутреннего круга. Она, конечно, пыталась играть в ту же игру, однако все же не в полную силу – почти так, словно она поддерживала еретическую идею о том, что в мире, помимо Палм-Бич и его светского театра, существует что-то еще. И состояние, о котором нельзя говорить всерьез.

Возможно, ее можно было бы простить, имей она обаяние и красоту в достаточных количествах для того, чтобы компенсировать изъян, заключающийся в относительной нищете. Но и тут ей нечем похвастать. Нет, в игре, которая разыгралась в этом городе, в конфликте между Пикоками и Дьюками мог быть только один победитель. Должна возобладать Джо Энн. Без вариантов.

Приготовившись послать снаряд, который уничтожит Джо Энн, Элинор раздулась, словно воздушный шар. Но прежде чем заговорила она, раздался голос королевы, в котором на этот раз звучала милая рассудительность добродушной пожилой дамы.

– Элинор, дорогая. Я рада, что вы заглянули к нам. Помните, я как-то упомянула о возможности задействовать вас для выполнения обязанностей младшей председательницы на балу Красного Креста в следующем году? При зрелом размышлении я решила, что вам еще немного не хватает опыта. Посему мне кажется, лучше давайте забудем об этом. О, и благодарю вас за приглашение на вечеринку на следующей неделе, но, боюсь, я не смогу приехать. Я удивлена, что вы выбрали для этого следующую неделю. Готовится столько мероприятий, что, как мне кажется, не смогут приехать очень многие.

Все, наблюдавшие за этой светской казнью, увидели, как кровь отхлынула от лица Элинор Пикок. Кроме Джо Энн, никто не догадывался о причинах. Все же остальные, сидевшие за столом, расценили это как публичную кару за какое-то предыдущее преступление, как вынесение приговора за некое темное дельце – дружескую помощь Элинор какому-нибудь врагу Донахью, предательское замечание Элинор, дошедшее до ушей Донахью. Что-то в этом роде. Все были слишком пресыщены едой и алкоголем, чтобы заметить, насколько важную роль в этом деле сыграла Джо Энн.

Никакое ритуальное заклание не вызвало бы столь мощного и обильного кровотечения, как заклание Элинор Пикок. От прикосновения острого клинка Марджори Донахью кровь светской жизни покинула вены несчастной, и никто не сомневался, что с ней в обществе Палм-Бич покончено навечно. Посещаемость ее «вечеринки» на следующей неделе будет не большей, чем на групповухе, которую организует мужчина, по слухам, подхвативший триппер.

И дабы сомнений вообще не осталось, королева провернула нож в ране еще разок. Добила.

– А вообще, дорогая Элинор, мы все в восторге от того, что тебе понравилось в Нью-Йорке. Подозреваю, что в будущем ты будешь проводить там гораздо больше времени.

Глава 4

Возбуждение потрескивало в воздухе, словно электричество. Внешне ничего особенного не происходило; стоя на деревянном полу зала для тренировок, девушки нервно переговаривались и время от времени хихикали. Изредка кто-нибудь из них судорожно зевал – верный признак напряжения.

Лайза не была исключением. Она тоже демонстрировала беспечность, которой не испытывала, браваду, которой, как ей казалось, требовала ситуация, однако внутренне она вся была в смятении. Взобравшись на краешек конторки в фойе и беспечно покачав длинными ногами, она улыбнулась Мэгги.

– Ну, Мэггс, еще несколько минут, а потом… мгновенная слава.

Лайза рассмеялась и в сотый раз посмотрела на часы. Гости опаздывали на десять с половиной минут.

– Как ты думаешь – а вдруг они отменили? – с сомнением спросила Мэгги.

– Ни в коем случае, милая. Мой зал – это новость, а им нужны новости. Мы делаем им одолжение.

Даже Лайзе приходилось признать, что это звучит неубедительно. Программа уэст-палмского телевидения «Фокус» вполне могла обойтись и без Лайзы Старр.

– Все выглядит нормально?

Мэгги с тоской осмотрела сверкающий и искрящийся гимнастический зал. Вопрос, разумеется, был лишним, однако в такие минуты необходимо дать выход беспокойству, и сознание отчаянно ищет подобные уловки.

– О, брось, Мэгги. Все безупречно. Ты же знаешь. И это было действительно так. Помещение было усыпано деньгами старого Уайсса, однако не в долларовых банкнотах. Часть дубового пола в тренировочном зале возле северной стены целиком занимали сияющие тренажеры «Наутилус», отдаленно напоминавшие зловещие орудия изощренных средневековых пыток. Их доставили за неделю до этого, еще тепленькими, прямо с фабрики, – механических истязателей стоимостью в двадцать тысяч долларов. Здесь имелись тренажеры для укрепления бицепсов, тренажеры для укрепления трицепсов, тренажеры для укрепления мышц живота, тренажеры для развития трапециевидной мышцы, и все они были расставлены строго в научно обоснованном порядке, обеспечивающем поочередную накачку каждой группы мышц.

Чтобы добраться до тренажеров, надо было пересечь часть зала, отведенную для аэробики, – отполированное до блеска дерево, еще не истертое и не побитое тысячами гулких ударов тапочек. Все это отражалось в зеркальных стенах, которые предназначались для того, чтобы стимулировать элемент самолюбования, столь необходимый для всякого телесного совершенствования. По углам, явно в тщательно продуманном беспорядке, были набросаны поролоновые маты, высились пирамидки гантелей для занятий аэробикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.